

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://solzhenitsynalexander.ru/> приятного чтения!

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын

КОЧЕТОВКА

– Алё, это диспетчер?

– Ну.

– Кто это? Дьячихин?

– Ну.

– Да не ну, а я спрашиваю – Дьячихин?

– Гони цистерны с седьмого на третий, гони. Дьячихин, да.

– Это говорит дежурный помощник военного коменданта лейтенант Зотов! Слушайте, что вы творите? Почему до сих пор не отправляете на Липецк эшелона шестьсот семьдесят... какого, Валя?

– Восьмого.

– Шестьсот семьдесят восьмого!

– Тянуть нечем.

– Как это понять – нечем?

– Паровоза нет, как. Варнаков? Варнаков, там, на шестом, четыре платформы с углем видишь? Подтяни их туда же.

– Слушайте, как паровоза нет, когда я в окно вон шесть подряд вижу.

– Это сплотка.

– Что – сплотка?

– Паровозная. С кладбища. Эвакуируют.

– Хорошо, тогда маневровых у вас два ходит!

– Товарищ лейтенант! Да маневровых, я видел, – три!

– Вот рядом стоит начальник конвоя с этого эшелона, он меня поправляет – три маневровых. Дайте один!

– Их не могу.

– Что значит не можете? А вы отдаёте себе отчёт о важности этого груза? Его нельзя задерживать ни минуты, а вы...

– Подай на горку.

– ...а вы его скоро полсуток держите!

– Да не полсуток.

– Что у вас там – детские ясли или диспетчерская? Почему младенцы кричат?

– Да набились тут. – Товарищи, сколько говорить? Очистите комнату. Никого отправить не могу. Военные грузы и те стоят.

– В этом эшелоне идёт консервированная кровь! Для госпиталя! Поймите!

– Всё понимаю. Варнаков? Теперь отцепись, иди к водокачке, возьми те десять.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru – Слушайте! Если вы в течение получаса не отправите этого эшелона – я буду докладывать выше! Это не шутка! Вы за это ответите!

– Василь Васильич! Дайте трубку, я сама...

– Передаю военному диспетчеру.

– Николай Петрович? Это Подшебякина. Слушай, что там в депо? Ведь один СУшка уже был запрошен.

– Так вот, товарищ сержант, идите в конвойный вагон, и если через сорок минут... Ну, если до полседьмого вас не отправят – придёте доложите.

– Есть прийти доложить! Разрешите идти?

– Идите.

Начальник конвоя круто, чётко развернулся и, с первым шагом отпустив, руку от шапки, вышел.

Лейтенант Зотов поправил очки, придававшие строгое выражение его совсем не строгому лицу, посмотрел на военного диспетчера Подшебякину, девушку в железнодорожной форме, как она, рассыпав обильные белые кудряшки, разговаривала в старомодную трубку старомодного телефона, – и из её маленькой комнаты вышел в свою такую же маленькую, откуда уже дальше не было двери.

Комната линейной комендатуры была угловая на первом этаже, а наверху, как раз над этим углом, повреждена была водосточная труба. Толстую струю воды, слышно хлеставшую за стеной, толчками ветра отводило и рассыпало то перед левое окно, на перрон, то перед правое, в глухой проходик. После ясных октябрьских заморозков, когда утро заставляло всю станцию в инее, последние дни отсырело, а со вчерашнего дня лило этого дождя холодного не переставая так, что удивляться надо было, откуда столько воды на небе.

Зато дождь и навёл порядок: не было этой бестолковой людской перетолчки, постоянного кишения гражданских на платформах и по путям, нарушавшего приличный вид и работу станции. Все спрятались, никто не лазил на карачках под вагонами, не перелезал по вагонным лесенкам, местные не пёрлись с ведрами варёной картошки, а пассажиры товарных составов не бродили меж поездов, как на толкучке, развесив на плечах и руках бельё, платье, вязаные вещи. (Торговля эта очень смущала лейтенанта Зотова: её как будто и допускать было нельзя и запрещать было нельзя – потому что не отпускалось продуктов на эвакуируемых.) Не загнал дождь только людей службы. В окно виден был часовой на платформе с зачехлёнными грузами – весь облитый струящимся дождём, он стоял и даже не пытался его стряхивать. Да по третьему пути маневровый паровоз протягивал цистерны, и стрелочник в брезентовом плаще с капюшоном махал ему палочкой флажка. Ещё тёмная малорослая фигурка вагонного мастера переходила вдоль состава второго, пути, ныряя под каждый вагон.

А то всё было – дождь-косохлёт. В холодном настойчивом ветре он бил в крыши и стены товарных вагонов, в грудь паровозам; сёк по краснообожжённым изогнутым железным рёбрам двух десятков вагонных остовов (коробки сгорели где-то в бомбёжке, но уцелели ходовые части, и их оттягивали в тыл); обливал четыре открыто стоявших на платформах дивизионных пушки; сливаясь с находящимися сумерками, серо затягивал первый зелёный кружок семафора и кое-где вспышки багровых искр, вылетающих из теплушечных труб. Весь асфальт первой платформы был залит стеклянно-пузырящейся водой, не успевавшей стекать, и блестели от воды рельсы даже в сумерках, и даже тёмно-бурая насыпка полотна вздрагивала невсачивающимися лужами.

И всё это не издавало звуков, кроме глухого подрагивания земли да слабого рожка стрелочника, – гудки паровозов отменены были с первого дня войны.

И только дождь трубил в разорённой трубе.

За другим окном, в проходике у забора пакгауза, рос дубок. Его трепало, мочило, он додержал ещё тёмных листьев, но сегодня слетали последние.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru Стоять и глазеть было некогда. Надо было раскатывать маскировочные бумажные шторы на окнах, зажигать свет и садиться за работу. Ещё много надо было успеть до смены в Девять часов вечера.

Но Зотов не опускал шторы, а снял командирскую фуражку с зелёным околышем, которая на дежурстве даже в комнате всегда сидела у него на голове, снял очки и медленно потирал пальцами глаза, утомлённые переписыванием шифрованных номеров транспортов с одной карандашной ведомости на другую. Нет, не усталость, а тоска подобралась к нему в темнеющем прежде времени дне – и заскребла.

Тоска была даже не о жене, оставшейся с еще не рождённым ребёнком далеко в Белоруссии, под немцами. Не о потерянном прошлом, потому что у Зотова не было ещё прошлого. Не о потерянном имуществе, потому что он его не имел и иметь не хотел бы никогда.

Угнетённость, потребность выть вслух была у Зотова от хода войны, до дикости непонятного. По сводкам Информбюро провести линию фронта было нельзя, можно было спорить, у кого Харьков, у кого Калуга. Но среди железнодорожников хорошо было известно, что за Узловую на Тулу поезда уже не шлют и через Елец дотягиваются разве что до Верховья. То там, то сям прорывались бомбардировщики и к рязань-воронежской линии, сбрасывали по несколько бомб, досталось и Кочетовке. А дней десять назад свалились откуда-то два шальных немецких мотоциклиста, влетели в Кочетовку и на ходу строчили из автоматов. Одного из них положили, другой унёсся, но на станции от стрельбы все испереполошились, и начальник отряда спецназначения, ведающий взрывами в случае эвакуации, ушел рвануть водокачку заложенным ранее толком. Теперь вызвали восстановительный поезд, и третий день он работал здесь.

Но не в Кочетовке было дело, а – почему же война так идёт? Не только не было революции по всей Европе, не только мы не вторгались туда малой кровью и против любой комбинации агрессоров, но сошло теперь – до каких же пор? Что б ни делал он днём и ложась вечером, только и думал Зотов: до каких же пор? И когда был не на службе, а спал на квартире, всё равно просыпался по радиоперезвону в шесть утра, томясь надеждой, что сегодня-то загремит победная сводка. Но из чёрного раструба безнадежно выползали вяземское и волоколамское направления и клешнили сердце: а не сдадут ли ещё и Москву? Не только вслух (вслух спросить было опасно), но самого себя Зотов боялся так спросить – всё время об этом думал и старался не думать.

Однако тёмный этот вопрос ещё был не последним. Сдать Москву ещё была не вся беда. Москву сдавали и Наполеону. Жгло другое: а – потом что? А если – до Урала?...

Вася Зотов преступлением считал в себе даже пробегание этих дрожащих мыслей. Это была хула, это было оскорбление всемогущему, всезнающему Отцу и Учителю, который всегда на месте, всё предвидит, примет все меры и не допустит.

Но приезжали из Москвы железнодорожники, кто побывал там в середине октября, и рассказывали какие-то чудовищно-немыслимые вещи о бегстве заводских директоров, о разгроме где-то каких-то касс или магазинов – и молчаливая мука, опять сжимала сердце лейтенанта Зотова.

Недавно, по дороге сюда, Зотов прожил два дня в командирском резерве. Там был самодеятельный вечер, и один худошавый бледнолицый лейтенант с распадающимися волосами прочёл свои стихи, никем не проверенные, откровенные. Вася сразу даже не думал, что запомнил, а потом всплыли в нём оттуда строчки. И теперь, шёл ли он по Кочетовке, ехал ли поездом в главную комендатуру Мичуринска или телегой в прикрепленный сельсовет, где ему поручено было вести военное обучение пацанов и инвалидов, – Зотов повторял и перебирал эти слова, как свои:

Наши сёла в огне и в дыму города...
И сверлит и сверлит в исступленьи
Мысль одна: да когда же? когда же?! когда
Остановим мы их наступленье?!
И еще так, кажется, было:

Если Ленина дело падёт в эти дни –
Для чего мне останется жить?

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru Тоже и Зотов совсем не хотел уцелеть с тех пор, как началась война. Его маленькая жизнь значила лишь – сколько он сможет помочь Революции. Но как ни просился он на первую линию огня – присох в линейной комендатуре.

Уцелеть для себя – не имело смысла. Уцелеть для жены, для будущего ребёнка – и то было не непременно. Но если бы немцы дошли до Байкала, а Зотов чудом бы ещё был жив, – он знал, что ушёл бы пешком через Кяхту в Китай, или в Индию, или за океан – но для того только ушёл бы, чтобы там влиться в какие-то окрепшие части и вернуться с оружием в СССР и в Европу.

Так он стоял в сумерках под лив, хлест, толчки ветра за окнами и, сжавшись, повторял стихи того лейтенанта.

Чем гуще в комнате темнело, тем ясней калилась вишнево-нагретая дверца печи и падал жёлтый рассеянный снопик через остеклённую шибку двери из соседней комнаты, где дежурный военный диспетчер по линии НКПС сидела уже при свете.

Она хотя и не подчинялась дежурному помощнику военного коменданта, но по работе никак не могла без него обойтись, потому что ей не положено было знать ни содержания, ни назначения грузов, а только номера вагонов. Эти номера носила ей списчица вагонов тётя Фрося, которая и вошла сейчас, тяжело оббивая ноги.

– Ах, дождь заливенный! – жаловалась она. – Ах, заливенный! А всё ж сбывает мало-малешко.

– Но семьсот шестьдесят пятый надо переписать, тётя Фрося, – сказала Валя Подшебякина.

– Ладно, перепишу, дай фонарь направить. Дверь была не толста и прикрыта не плотно, Зотову был слышен их разговор.

– Хорошо, я угля управилась получить, – говорила тётя Фрося. – Теперь ничего не боюсь, на одной картошке ребятишков передержу. А у Дашки Мелентьевой – и недокопана. Поди-ка поройся в грязе.

– Скажи, мороз хватит. Холодает как.

– Ранняя зима будет. Ох, в такую войну да зима ранняя... А вы сколько картошки накопили?

Зотов вздохнул и стал опускать маскировку на окнах, аккуратно прижимая шторку к раме, чтоб ни щёлочкой не просвечивало.

Вот этого он понять не мог, и это вызвало в нём обиду и даже ощущение одиночества. Все эти рабочие люди вокруг него как будто так же мрачно слушали сводки и расходились от репродукторов с такой же молчаливой болью. Но Зотов видел разницу: окружающие жили как будто и ещё чем-то другим, кроме новостей с фронта, – вот они копали картошку, доили коров, пилили дрова, обмазывали стёкла. И по времени они говорили об этом и занимались этим гораздо больше, чем делами на фронте.

Глупая баба! Привезла угля – и теперь «ничего не боится». Даже танков Гудериана?

Ветер тряс деревцо у пакгауза и в том окне чуть позвенивал одним стёклышком.

Зотов опустил последнюю шторку, включил свет. И сразу стало в тёплой, чисто выметенной, хотя и голой комнате уютно, как-то надёжно, обо всём стало думаться бодрей.

Прямо под лампочкой, посередине комнаты, стоял стол дежурного, позади его у печки – сейф, к окну – старинный дубовый стационарный диван на три места со спинкой (из спинки толстыми вырезанными буквами выступало название дороги). На диване этом можно было ночью прилечь, да редко приходилось за работой. Ещё была пара грубых стульев. Между окон висел цветной портрет Кагановича в железнодорожном мундире. Висела раньше и карта путей сообщения, но капитан, комендант станции, велел снять её, потому что в комнату сюда, входят люди и если среди них затешется враг, то, скосясь, он может сориентироваться, какая дорога куда.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

– Я – чулки выменивала, – хвастала в соседней комнате тётя Фрося, пару чулков шёлковых брала у их за пяток картофельных лепёшек. Чулков теперь, может, до конца войны не будет. Ты мамке скажи, чтоб она не зевала, из картошки б чего настряпала – и туда, к теплушкам. С руками вырывают. А Грунька Мострюкова надысь какую-то чудную рубашку выменяла – бабью, ночную, мол, да с прорезями, слышь, в таких местах... ну, смехота! Собрались в её избе бабы, глядели, как она мерила, – животы порвали!... И мыло тоже можно брать у их, и дешёво. А мыло теперь продукт дефективный, не купишь. Ты скажи мамке, чтоб не зевала!

– Не знаю, тётя Фрося...

– Чо, тебе чулки не нужны?

– Чулки очень нужны, да как-то совестно... у эвакуированных...

– У выковыренных-то и брать! Они отрезы везут, кустюмы везут, мыло везут – прям как на ярмарку и снаряжались. Там такие мордатые еду-у-уть! – отварную курицу им, слышь, подавай, другого не хотят! У кого даже, люди видели, сотенные прямо пачками перевязаны, и пачек полон чемойдан. Банк, что ль, забрали? Только деньги нам не нужны, везите дальше.

– Ну, вот твои квартиранты...

– Э-этих ты не равняй. Эти голь да босота, они из Киева подхватились в чём были, как до нас доехали – удивляться надо. Поинка на почту устроилась, зарплатка ей недохударная, а и чего – та зарплата? Я бабку повела, подпол ей открыла – вот, говорю, картошку бери, и капусту квашеную бери, и за комнату мне с вас тоже ничего не надо. Бедных я, Валюта, всегда жалею, богатый – пощады не проси!

На письменном столе Зотова стояло два телефона – один путейский, такая же старинная крутилка в жёлтой деревянной коробке, как у военного диспетчера, и второй свой, зуммерный, полевой, связанный с кабинетом капитана и с караульным помещением станционного продпункта. Бойцы с продпункта были единственной военной силой кочетовской комендатуры, хотя главная задача их была охранять продукты. Всё ж они тут топили, убирали, и сейчас ведро крупного бриллиантового угля в запас стояло перед печкой, топи – не хочу.

Зазвонил путейский телефон. Уж преодолев свою сумеречную минутную слабость, Зотов бодро подбежал, схватил трубку, другой рукой натягивая фуражку, и стал ответно кричать в телефон. На дальнейшее расстояние он всегда кричал – иногда потому, что слышно было плохо, а больше по привычке.

Звонили из Богоявленской, просили подтвердить, какие попутные он получил, какие ещё нет. Попутные, – сопроводительные зашифрованные указания от предыдущей комендатуры о том, какие транспорты куда направляются, – передавались по телеграфу. Только час назад Зотов сам отнёс несколько таких телеграфистке и получил от неё. В полученных надлежало быстренько разбираться, какие транспорты группировать с какими и на какую станцию, и давать указания железнодорожному военному диспетчеру, какие вагоны сцеплять с какими. И составлять и отправлять новые попутные, а себе оставлять копии от них и подкалывать.

И, положив трубку, Зотов тут же поспешно бухнулся в стул, близоруко наклонился над столом и углубился в попутные.

Но немного мешали ему опять из той комнаты. Там вошёл, стуча сапогами, мужчина и бросил на пол сумку с железом. Тётя Фрося спросила про дождь, тишает ли. Тот буркнул что-то и, должно быть, сел.

(Правда, из повреждённой трубы уже не хлестало так слышно, но крепчал и толкался в окне ветер.)

– Чего ты сказал, старик? – крикнула Валя Подшебякина.

– Студенеет, говорю, – отозвался старик густым ещё голосом.

– Ты ведь слышишь, Гаврила Никитич? – прикрикнула и тётя Фрося.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
– Слышу, – ответил старик. – Только в уху пощалкивает.

– А как же ты вагоны проверяешь, дед? Ведь их простукивать надо.

– Их и так видно.

– Ты, Валя, не знаешь, он наш кочетовский, это Кордубайло. По всем станциям вагонные мастера, сколько их есть, – его ученики. Уж он до войны десять лет на печи сидел. А вот вышел, видишь.

И опять, опять тётя фрося что-то завела, Зотову досаждать стала болтовня, и он хотел уже пойти пугнуть её, как в соседней комнате стали обговаривать вчерашний случай с эшелонном окруженцев.

О случае этом Зотов знал от своего подсменного, такого ж, как сам он, дежурного помощника военного коменданта, которому вчера и досталось принимать меры, потому что на станции Кочетовка не было своей этапной комендатуры. Вчера утром на станции сошлись рядом два эшелона: со Щигр через Отрожку везли тридцать вагонов окруженцев, и на тридцать вагонов отчаянных этих людей было пять сопровождающих от НКВД, которые сделать с ними, конечно, ничего не могли. Другой же, встречный, эшелон из Ртищева был с мукой. Мука везлась частью в запломбированных вагонах, частью же в полувагонах, в мешках. Окруженцы сразу разобрались, в чём дело, атаковали полувагоны, взлезли наверх, вспарывали ножами мешки, насыпали себе в котелки и обращали гимнастёрки в сумки и сыпали в них. От конвоя, шедшего при мучном эшелоне, стояло на путях два часовых – в голове и в хвосте. Головной часовой, совсем ещё паренёк, кричал несколько раз, чтобы не трогали – его не слушал никто, и из конвойной теплушки к нему подмога не подходила. Тогда он вскинул винтовку, выстрелил и единственным этим выстрелом уложил в голову одного окруженца – прямо там, наверху.

Зотов слушал-слушал их разговор – не так они говорили, не так понимали. Он не выдержал, пошёл объяснить. Раскрыв дверь и став на пороге, он посмотрел на них на всех через простые круглые свои очки.

Справа за столом сидела тоненькая Валя над ведомостями и графиками в разноцветных клетках.

Вдоль окна, закрытого такой же синей маскировочной бумагой, шла простая скамья, на ней сидела тётя фрося, немолодая, матёрая, с властным мужественным складом, какой бывает у русских женщин, привыкших самим управляться и на работе и дома. Брезентовый мокрый серо-зелёный плащ, даваемый ей в дежурство, коробился на стене, а она сидела в мокрых сапогах, в чёрном обтёрханном гражданском пальтишке и ладила копилку, вынутую из ручного четырёхугольного фонаря.

На входной двери наклеен был розовый листок, какие всюду развешивались по Кочетовке: «Берегись сыпного тифа!» Бумага плакатика была такая же болезненно розовая, как сыпь тифозного или как те обожжённые железные кости вагонов из-под бомбёжки.

Недалеко от двери, чтобы не наследить, сидел чуть в сторону печи прямо на полу, оплонясь о стену, старик Кордубайло. Рядом с ним лежала кожаная старая сумка с тяжёлым инструментом, брошенная так, чтоб только не на дороге, и рукавицы, измызганные в мазуте. Старик, видно, сел, как пришёл – не отряхавшись и не раздеваясь, и сапоги его и плащ подтекали по полу лужицами. Между ногами, подтянутыми в коленях, стоял на полу незажжённый фонарь, такой же, как у тётки фроси. Под плащом на старике был неопрятный чёрный бушлат, опоясанный бурым грязноватым кушаком. Башлык его был откинут: на голове, ещё кудлатой, крепко насажен был старый-престарый железнодорожный картуз. Картуз затенял глаза, на свет лампочки выдавался только сизый носиче да толстые губы, которыми Кордубайло сейчас слюнявил газетную козью ножку и дымил. Растрёпанная борода его меж сединой сохраняла ещё черноту.

– А что ж ему оставалось? – доказывала Валя, пристукивая карандашиком. – Ведь он на посту, ведь он часовой!

– Ну, правильно, – кивал старик, роняя крупный красный пепел махорки на пол и на крышку фонаря. – Правильно... Есть все хотят...

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

– К чему это ты? – нахмурилась девушка. – Кто это – все?

– Да хоть бы мы с тобой, – вздохнул Кордубайло.

– Вот бестолковый ты, дед! Да что ж они – голодные? Ведь им казённый паёк дают. Что ж их, без пайка везут, думаешь?

– Ну, правильно, – согласился дед, и с цыгарки опять посыпались раскалённые красные кусочки, теперь к нему на колено и полу бушлата.

– Смотри, сгоришь, Гаврила Никитич! – предупредила тётя Фрося.

Старик равнодушно глядел, не стряхивая, как гасли махорочные угольки на его мокрых тёмных ватных брюках, а когда они погасли, чуть приподнял кудлато-седую голову в картузе:

– Вы, девки, часом, сырой муки, в воде заболтавши, не ели?

– Зачем же – сырую? – поразилась тётя Фрося. – Заболтаю, замешу да испеку.

Старик чмокнул бледными толстыми губами и сказал не сразу – у него все слова так выступали не сразу, а будто долго ещё на костылях шли оттуда, где рождались:

– Значит, голоду вы не видали, милые.

Лейтенант Зотов переступил порог и вмешался:

– Слушай, дед, а что такое присяга – ты воображаешь, нет?

Зотов заметно для всех окал.

Дед мутно посмотрел на лейтенанта. Сам дед был невелик, но велики и тяжелы были его сапоги, напитанные водой и кой-где вымазанные глиной.

– Чего другого, – пробурчал он. – Я и сам пять раз присягал.

– Ну, и кому ты присягал? Царю Миколашке?

Старик мотнул головой:

– Хватай раньше.

– Как? Ещё Александру Третьему?

Старик сокрушённо чмокнул и курил своё.

– Ну! А теперь – народу присягают. Разница есть?

Старик ещё просыпал пеплу на колено.

– А мука чья? Не народная? – горячилась Валя и всё отбрасывала назад весёлые спадающие волосы. – Муку – для кого везли? Для немцев, что ли?

– Ну, правильно, – ничуть не спорил старик. – Да и ребята тоже не немцы ехали, тоже наш народ.

Докуренную козью ножку он согнул до конца и погасил о крышку фонаря.

– Вот старик непонятливый! – задело Зотова. – Да что такое порядок государственный – ты представляешь? – окал он. – Это если каждый будет брать, что ему понравится, я возьму, ты возьмёшь – разве мы войну выиграем?

– А зачем мешки ножами резали? – негодовала Валя. – Это по-каковски? Это наш народ?

– Должно быть зашиты были, – высказал Кордубайло и вытер нос рукой.

– Так – разорничать? чтоб мимо сыпалось? на путя? – возмутилась тётя Фрося. –

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Сколько прорвали да сколько просыпали, товарищ лейтенант! Это сколько детей
можно накормить!

– Ну, правильно, – сказал старик. – А в такой вот дождь в полувагонах и
остальная помокнет.

– А, да что с ним говорить! – раздосадовался Зотов на себя больше, что встрял в
никчёмный и без того ясный разговор. – Не шумите тут! Работать мешаете!

Тётя Фрося уже пообчистила фитиль, зажгла коптилку и укрепила её в фонаре. Она
поднялась за своим отвердевшим, скоробившимся плащом:

– Ну-к, подвостри мне, Валюта, карандаш. Пойду семьсот шестьдесят пятый
списывать.

Зотов ушёл к себе.

Вся эта вчерашняя история могла кончиться хуже. Окруженцы, когда убили их
товарища, оставили мешки с мукой и бросились с рёвом на мальчишку-часового. Они
уже вырвали у него винтовку – да, кажется, он её и отдал без сопротивления, –
начали бить его и просто бы могли растерзать, если б наконец не подоспел
разводящий. Он сделал вид, что арестовал часового, и увёл.

Когда везут окруженцев, каждая комендатура подноравливает спихнуть их сразу
дальше. Прошлой ночью ещё один такой эшелон – 245413-й, из Павельца на Арчеду –
Зотов принял и поскорее проводил. Эшелон простоял в Кочетовке минут двадцать,
окруженцы спали и не выходили. Окруженцы, когда их много вместе, – страшный,
лихой народ. Они не часть, у них нет оружия, но чувствуют они себя вчерашней
армией, это те самые ребята, которые в июле стояли где-нибудь под Бобруйском,
или в августе под Киевом, или в сентябре под Орлом.

Зотов робел перед ними – с тем же чувством, наверно, с каким мальчишка-часовой
отдал винтовку, не стреляя больше. Он стыдился за своё положение тылового
коменданта. Он завидовал им и готов был, кажется, принять на себя даже некоторую
их небезупречность, чтоб только знать, что за его спиной тоже – бои, обстрелы,
переправы.

Сокурсники Васи Зотова, все друзья его – были на фронте.

А он – здесь.

Так тем настойчивей надо было работать! Работать, чтоб не только сдать смену, в
ажуре, но ещё другие, другие дела успевать делать! Как можно больше и лучше
успеть в эти дни, уже осенённые двадцать четвёртой годовщиной. Любимый праздник
в году, радостный наперекор природе, а в этот раз – рвущий душу.

Кроме всей текучки, уже неделю тянулось за Зотовым дело, имевшее начало в его
смену: был налёт на станцию, и немцы порядочно разбомбили эшелон с воинскими
грузами, в котором были и продукты. Если б они разбомбили его начисто – на этом
бы дело и закрылось. Но, к счастью, уцелело многое. И вот теперь требовали от
Зотова составить в четырёх экземплярах полные акты-перечни: грузов, приведенных
в полную негодность (их должны были списать с соответствующих адресатов и
отнарядить новые); грузов, приведенных в негодность от сорока до восьмидесяти
процентов (об использовании их должно было решиться особо); грузов, приведенных
в негодность от десяти до сорока процентов (их должны были направлять дальше по
назначению с оговорками или частичной заменой); наконец грузов, оставшихся в
целости. Усложнялось дело тем, что хотя грузы разбомблённого поезда все теперь
были собраны в пакгаузах, но это произошло не тотчас, по станции бродили
непричастные люди, и можно было подозревать хищения. Кроме того, установка
процента годности требовала экспертизы (эксперты приезжали из Мичуринска и из
Воронежа) и бесконечной переставки ящиков в пакгаузах, а грузчиков не хватало.
Разбомбить и дурак может, а поди разберись! Впрочем, Зотов и сам любил
доконечную точность в каждом деле, поэтому он много уже провернул из этих актов,
мог позаняться ими сегодня, а за неделю думал и всё подогнать.

Но даже и эта работа была – текучка. А выглядел Зотов себе ещё работу такую. Вот
сейчас он, человек с высшим образованием, а в характере с задатками
систематизации, работает на комендантской работе и получает полезный опыт. Ему

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru особенно хорошо видны сейчас: и недостатки наших мобилизационных предписаний, с которыми нас застала война; и недостатки в организации слежения за воинскими грузами; видны и многие значительные и мелкие улучшения, которые можно было бы внести в работу военных комендатур. Так не прямой ли долг его совести такие все наблюдения делать, записывать, обрабатывать – и подать в виде докладной записки, в Наркомат обороны? Пусть его труд не успеет быть использован в эту войну, но как много он будет значить для следующей!

Так вот для какого ещё дела надо найти время и силы! (Хотя выскажи такую идею капитану или в комендатуре узла – будут смеяться. Недалёкие люди.)

Скорей же разбираться с попутными! Зотов потёр одну о другую круглые ладонца с короткими толстенькими пальцами, взял химический карандаш и, сверяясь с шифровкой, разносил на несколько листов ясным овальным почерком многозначные, иногда и дробные номера транспортов, грузов и вагонов. Эта работа не допускала описки – так же, как прицел орудия. Он в усердии мелко наморщил лоб и оттопырил нижнюю губу.

Но тут в стекольце двери стукнула Подшебякина:

– Можно, Василь Васильич? – И, не очень дожидаясь ответа, вошла, неся тоже ведомость в руках.

Вообще-то не полагалось ей сюда заходить, решить вопрос можно было на пороге или в той комнате, – но с Валею у него уже не раз совпадали дежурные сутки, и просто деликатность мешала ему не пустить её сюда.

Поэтому он только залистнул шифровку и как бы случайно чистой бумагой прикрыл колонки чисел, которые писал.

– Василь Васильич, я что-то запуталась! Вот, смотрите... – Второго стула не было вблизи; и Валя прилегла к ребру стола и повернула к Зотову ведомость с кривоватыми строчками и неровными цифрами. – Вот, в эшелоне четыреста сорок шесть был такой вагон – пятьдесят семь восемьсот тридцать один. Так – куда его?

– Сейчас скажу. – Он выдвинул ящик, сообразил, какой из трёх скоросшивателей взять, открыл (но не так, чтоб она могла туда засматривать) и нашёл сразу: – Пятьдесят семь восемьсот тридцать первый – на Пачелму.

– Угу, – сказала Валя, записала «Пач», но не ушла, а обсасывала тыльце карандаша и продолжала смотреть в свою ведомость, всё так же приклонённая к его столу.

– Вот ты «че» неразборчиво написала, – укорил её Зотов, – а потом прочтёшь как «вэ» – и на Павелец загонишь.

– Неужели! – спокойно отозвалась Валя. – Будет вам, Василь Васильич, ко мне придирайтесь-то! Посмотрела на него из-под локона. Но подправила "ч".

– Потом во-от что... – протянула она и опять взяла карандаш в рот. Обильные локонцы её, почти льняные, спустились со лба, завесили глаза, но она их не поправляла. Такие они были вымытые и, наверно, мягонькие, Зотов представил, как приятно потрепать их рукой. – Вот что... Платформа один-ноль пять-сто десять.

– Малая платформа?

– Нет, большая.

– Вряд ли.

– Почему?

– Одной цифры не хватает.

– И что ж теперь делать? – Она откинула волосы. Ресницы были у неё такие ж беленькие.

– Искать, что! Надо внимательней, Валя. Эшелон – тот же?

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
– У-гм.

Заглядывая в скоросшиватель, Зотов стая примеряться к номерам.

А Валя смотрела на лейтенанта, на его смешные отставленные уши, нос картошкой и глаза бледно-голубые с серинкой, хорошо видные через очки. По работе он был въедливый, этот Василь Васильич, но не злой. А чем особенно ей нравился – был он мужчина не развязный, вежливый.

– Эх! – рассердился Зотов. – Сечь тебя розгами! Не ноль пять, а два ноля пять, голова!

– Два-а ноля! – удивилась Валя и вписала ноль.

– Ты ж десятилетку кончила, как тебе не стыдно?

– Да бросьте, Василь Васильич, при чём тут десятилетка? И – куда её?

– На Кирсанов.

– У-гу, – записала Валя.

Но не уходила. В том же положении, наклонённая к столу, близ него, она задумалась и пальцем одним играла с отщепинкой в доске столешницы: отклоняла отщепинку, а та опять прижималась к доске.

Мужские глаза невольно прошлись по небольшим девичьим грудям, сейчас в наклоне видимым ясно, а то всегда скраденным тяжеловатой железнодорожной курткой.

– Скоро дежурство кончится, – надула Валя губы. Они были у неё свеженькие, бледно-розовые.

– Ещё до «кончится» поработать надо! – нахмурился Зотов и перестал разглядывать девушку.

– Вы – опять к своей ба-а-бке пойдёте... Да?

– А куда ж ещё?

– Ни к кому в гости не ходите...

– Нашла время для гостей!

– И чего вам сладкого у той бабки? Даже кровати нет путёвой. На ларе спите.

– А ты откуда знаешь?

– Люди знают, говорят.

– Не время сейчас, Валечка, на мягком нежиться. А мне – тем более. И так стыдно, что не на фронте.

– Так что ж вы? дела не делаете? Чего тут стыдного! Ещё и в окопах, небось, навалаетесь. Ещё живы ли будете... А пока можно, надо жить как люди.

Зотов снял фуражку, растёр стянутый лоб (фуражка была маловата ему, но на складе другой не нашлось).

Валя на уголке ведомости вырисовывала карандашом длинную острую петельку, как коготок.

– А чего вы от Авдеевых ушли? Ведь там лучше было.

Зотов опустил глаза и сильно покраснел.

– Ушёл – и всё.

(Неужели от Авдеевых разнеслось по посёлку?...)

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

Валя острила и острила коготок.

Помолчали.

Валя покосилась на его круглую голову. Снять ещё очки – и ребячья какая-то будет голова, негустые светлые волосы завиточками там и сям поднялись, как вопросительные знаки.

– И в кино никогда не пойдёте. Наверно, книги у вас интересные. Хоть бы дали почитать.

Зотов вскинулся. Краска его не сходила.

– Откуда знаешь, что книги?

– Думаю так.

– Нет у меня книг. Дома остались.

– Жалеете просто.

– Да нету, говорю. Куда ж таскать? У солдата – вещмешок, больше не положено.

– Ну, тогда у нас возьмите почитать.

– А у вас много?

– Да стоят на полочке.

– Какие же?

– Да какие... «Доменная печь»... «Князь Серебряный»... И ещё есть.

– Ты все прочла?

– Некоторые. – И вдруг подняла голову, ясно поглядела и дыханием высказала: – Василь Васильич! А вы – переходите к нам! У нас комната вовкина свободная – ваша будет. Печка туда греет, тепло. Мама вам готовить будет. Что за охота вам – у бабки?

И они посмотрели друг на друга, каждый со своей загадкой.

Валя видела, что лейтенант заколебался, что он сейчас согласится. И почему б ему не согласиться, чудаку такому? Все военные всегда говорят, что не женаты, а он один – женат. Все военные, расквартированные в посёлке, – в хороших семьях, в тепле и в заботе. Хотелось и Вале, чтобы в доме, откуда отец и брат ушли на войну, жил бы мужчина. Тогда и со смены, поздно вечером, по затемнённым, замешанным грязью улицам посёлка они будут возвращаться вместе (уж придётся под руку), потом весело садиться вместе за обед, шутить, друг другу что-нибудь рассказывать... А Вася Зотов едва ли не с испугом посмотрел на девушку, открыто зовущую его к себе в дом. Она была лишь годика на три моложе его и если называла по имени-отчеству и на «вы», то не из-за возраста, а из уважения к лейтенантским кубикам. Он понимал, что вкусными обедами из его сухого пайка и теплом от печки дело не кончится. Он заволновался. Ему-таки хотелось сейчас, взять и потрепать её доступные белые кудряшки.

Но – никак было нельзя.

Он поправил воротник с красными кубиками в зелёных петлицах, хоть воротник ему не жал, очки поправил.

– Нет, Валя, никуда не пойду. Вообще работа стоит, что мы разболтались?

И надел зелёную фуражку, отчего беззащитное курносое лицо его построжело очень.

Девушка посмотрела ещё исподлобья, протянула:

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
– Да ла-адно вам, Василь Васильич!

Вздыхнула. Не молодо, как-то с трудом, поднялась из своего наклонного положения и, влача ведомость в опущенной руке, ушла.

А он растерянно моргнул. Может, вернись бы она ещё раз и скажи ему твердо – он уступил бы.

Но она не возвращалась.

Никому тут Вася не мог объяснить, почему он жил в плохо отапливаемой нечистой избе старухи с тремя внуками и спал на коротком неудобном ларе. В огромной жестоковатой мужской толчее сорок первого года его уже раз другой поднимали на пересмех, когда он вслух рассказывал, что любит жену и думает быть ей всю войну верен и за неё тоже вполне ручается. Хорошие ребята, подельчивые друзья хохотали дружно, как-то дико, били его по плечу и советовали не теряться. С тех пор он вслух не говорил такого больше, а тосковал только очень, особенно проснувшись глухими ночами и думая, каково ей там, далеко-далеко под немцами и ожидая ребёнка.

Но не из-за жены даже он отказал сейчас Вале, а из-за Полины...

И не из-за Полины даже, а из-за...

Полина, чернявенькая стриженная киевляночка с матовым лицом, была та самая, которая жила у тётки Фроси, а работала на почте. На почту, если выдавалось время, Вася ходил читать свежие газеты (пачками за несколько дней, они опаздывали). Так получалось пораньше, и все газеты можно было видеть сразу, не одну-две только. Конечно, почта – не читальня, и никто не обязан был давать ему читать, но Полина понимала его и все газеты выносила ему к концу прилавка, где он стоя, в холоде их читал. Как и для Зотова, для Полины война не была бесчувственным качеством неотвратимого колеса, но – всей её собственной жизнью и будущим всем, и чтоб это будущее угадать, она так же беспокойными руками разворачивала эти газеты и так же искала крупинки, могущие объяснить ей ход войны. Они часто читали рядом, наперехват показывая друг другу важные места. Газеты заменяли им письма, которых они не получали. Полина внимательно вчитывалась во все боевые эпизоды сводок; угадывая, не там ли её муж, и по совету Зотова прочитывала, морща матовый лоб, даже статьи о стрелковой и танковой тактике в «Красной звезде». А уж статьи Эренбурга Вася читал ей вслух сам, волнуясь. И некоторые он выпрашивал у Полины, из чьих-то недосланных газет вырезал и хранил.

Полину, ребенка её и мать он полюбил так, как вне беды люди любить не умеют. Сынишке он приносил сахару из своего пайка. Но никогда, перелистывая вместе газеты, он не смел пальцем коснуться её белой руки и не из-за мужа её, и не из-за своей жены, а из-за того святого горя, которое соединило их.

Полина стала ему в Кочетовке – нет, по всю эту сторону фронта самым близким человеком, она была глазом совести и глазом верности его – и как же мог он стать на квартиру к Вале? что подумала бы Полина о нём?

Но и без Полины – не мог он сейчас беспечно утешаться с какой-нибудь женщиной, когда грозило рухнуть всё, что он любил.

И тоже как-то неловко было признаться Вале и лейтенантам, его сменщикам, что было-таки у него вечернее чтение, была книга единственная захваченная в какой-то библиотеке в суматошных путях этого года и возимая с собой в вещмешке.

Книга эта была – синий толстенький первый том «Капитала» на шершавой рыжеватой бумаге тридцатых годов.

Все студенческие пять лет мечтал он прочесть заветную эту книгу, и не раз брал её в институтской библиотеке, и пытался конспектировать, и держал по семестру, по году – но никогда не оставалось времени, заедали собрания, общественные нагрузки, экзамены. И, не кончив одной страницы конспекта, он сдавал книгу, когда шёл с июньской обходной. И даже когда проходили политэкономия, самое время было читать «Капитал» преподаватель отговаривал: «Утонете!», советовал нажимать на учебник Лapidуса, на конспекты лекций. И, действительно, только-только успевали.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

Но вот теперь, осенью сорок первого, в зареве огромной тревоги, Вася Зотов мог здесь, в дыре, найти время для «Капитала». Так он и делал – в часы, свободные от службы, от всевобуча и от заданий райкома партии. На квартире у Авдеевых, в зальце, уставленном филодендронами и алоэ, он садился за шаткий маленький столик и при керосиновой лампе (не на все дома посёлка хватало мощности дизельного движка), поглаживая грубую бумагу рукой, читал: первый раз – для охвата, второй раз – для разметки, третий раз – конспектируя и стараясь всё окончательно уложить в голове. И чем мрачней были сводки с фронта, тем упрямей нырял он в толстую синюю книгу. Вася так понимал, что, когда он освоит весь этот хотя бы первый том и будет стройным целым держать его в памяти – он станет непобедимым, неуязвимым, неотразимым в любой идейной схватке.

Но не много было таких вечеров и часов, и страниц было записано им несколько – как помешала Антонина Ивановна.

Это была тоже квартирантка Авдеевых, приезжая из Лисок, ставшая здесь, в Кочетовке, сразу заведующей столовой. Она была деловая и так на ногах держалась крепко, что в столовой у неё не очень было поскандалить. В столовой у неё, как Зотов узнал потом, совали за рубль в оконце глиняную миску с горячей серой безжирной водой, в которой плавало несколько макаронин, а с тех, кто не хотел просто губами вытягивать это всё из миски, ещё брали рубль залога за деревянную битую ложку. Сама же Антонина Ивановна, вечерами велев Авдеевым поставить самовар, выносила к хозяйскому столу хлеб и сливочное масло. Лет ей оказалось всего двадцать пять, но выглядела она женщиной основательной, была беложава, гладка. С лейтенантом она всегда приветливо здоровалась, он отвечал ей рассеянно и долго путал её с прихожей родственницей хозяйки. Горбясь над своим томом, он не замечал и не слышал, как она, придя с работы тоже поздно, всё ходила через его проходной залец в свою спальню и оттуда назад к хозяевам и опять к себе. Вдруг она подходила и спрашивала: «Что это вы всё читаете, товарищ лейтенант?» Он прикрывал том тетрадью и отвечал уклончиво. В другой раз она спрашивала: «А как вы думаете, не страшно, что я на ночь дверь свою не закладываю?» Зотов отвечал ей: «Чего бояться! Я же – тут, и с оружием.» А ещё через несколько дней, сидя над книгой, он почувствовал, что, перестав сновать туда-сюда, она как будто не ушла из зальца. Он оглянулся – и остолбенел: прямо здесь, в его комнате, она постелилась на диване и уже лежала, распустив волосы по подушке, а одеялом не покрыв белых наглых плеч. Он устоял в ней и не находился, что теперь делать. «Я вам тут не помешаю?» – спросила она с насмешкой. Вася встал, теряя соображение. Он даже шагнул уже крупно к ней – но вид этой откормленной воровской сытости не потянул его дальше, а оттолкнул.

Он даже сказать ей ничего не мог, ему горло перехватило ненавистью. Он повернулся, захлопнул «Капитал», нашёл ещё силы и время спрятать его в вещмешок, бросился к гвоздю, где висели шинель и фуражка, на ходу снимая ремень, отягощённый пистолетом, – и так, держа его в руке, не опоясавшись, кинулся к выходу.

Он вышел в непроглядную темень, куда из замаскированных окон, ни с тучевого неба не пробивалось ни соломинки света, но где холодный осенний ветер с дождём, как сегодня, рвал и сёк. Оступаясь в лужи, в ямы, в грязь, Вася пошёл в сторону станции, не сразу сообразя, что так и несёт в руках ремень с пистолетом. Такая жгла его бессильная обида, что он чуть не заплакал, бредя в этой чёрной стремнине.

С тех-то пор и не стало ему жизни у Авдеевых: Антонина Ивановна, правда, больше с ним не здоровалась, но стала водить к себе какого-то мордатого кобеля, гражданского, однако в сапогах и кителе, как требовал дух времени. Зотов пытался заниматься – она же нарочно не прикрывала своей двери, чтоб долго слышал он, как они шутили и как она повизгивала и постанывала.

Тогда он и ушёл к бабке полуглухой, у которой нашёл только ларь, застланный рядом.

Но вот, видно, разнеслась сплетня по Кочетовке. Неужели до Полины дойдёт? Стыдно...

Отвлекли его эти мысли от работы. Он схватился опять за химический карандаш и

Страница 13

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru заставил себя вникнуть в попутные и опять чётким овальным почерком разносил номера транспортов и грузов, составляя тем самым новые попутные, под копирку. И кончил бы эту работу, но неясность вышла с большим транспортом из Камышнна – как его разбивать. Дело это мог решить только сам комендант. Зотов дал один зуммер по полевому телефону, взял трубку и слушал. И ещё дал один зуммер подольше. И ещё долгий один. Капитан не отвечал. Значит, в кабинете его не было. Может быть, отдыхает дома после обеда. Перед сменой – то дежурных он придёт обязательно выслушать рапорта.

За дверь иногда Подшебякина звонила диспетчеру станции. Тётя Фрося пришла, опять ушла. Потом послышался тяжёлый переступ в четыре сапога. В дверь постучали, приоткрыли, звонко спросили:

– Разрешите войти?

И не дожидаясь и не дослышивая разрешения, вошли. Первый гренадерского роста, гибкий, с розовым охолодавшим лицом, ступил на середину комнаты и с пристуком пятки доложил:

– Начальник конвоя транспорта девяносто пять пятьсот пять сержант Гайдуков! Тридцать восемь пульмановских вагонов, всё в порядке, к дальнейшему следованию готов!

Он был в новой зимней шапке, ладной долгой шинели командирского покроя с разрезом, за поясан кожаным широким ремнём с пряжкой-звездой, и начищенные яловые были на нём сапожки.

Из-за спины его выступил слегка, как бы перетоптался, не отходя далеко от двери, второй – коренастый, с лицом вдубело-смуглым, тёмным. Он полунехотя поднял пятерню к шлему-будёновке с опущенными, но незастёгнутыми ушами и не отрапортовал, а сказал тихо:

– Начальник конвоя транспорта семьдесят один шестьсот двадцать восемь младший сержант Дыгин. Четыре шестнадцатитонных вагона.

Солдатская шинель его, охваченная узким брезентовым пояском, имела одну полу перекошенную или непоправимо изжёванную как бы машиной, сапоги были кирзовые, с истёртыми переломами гармошки.

А лицо у сержанта Дыгина было набровое челюстное лицо Чкалова, но не молодого лихого Чкалова, погибшего недавно, а уже пожившего, обтёртого.

– Так! Очень рад! Очень рад! – сказал Зотов и встал.

Ни по званию своему, ни по роду работы совсем он не должен был вставать навстречу каждому входящему сержанту. Но он действительно рад был каждому и спешил с каждым сделать дело получше. Своих подчинённых не было у помощника коменданта, и эти, приезжающие на пять минут или на двое суток, были единственные, на ком Зотов мог проявить командирскую заботу и распорядительность.

– Знаю, знаю, попутные ваши уже пришли. – Он нашёл на столе и просматривал их. – Вот они, вот они... девяносто пять пятьсот пять... семьдесят один шестьсот двадцать восемь... – И поднял доброжелательные глаза на сержантов.

Их шинели и шапки были только слегка примочены, вразнокап.

– А что это вы сухие? Дождь – кончился?

– Перемежился, – с улыбкой тряхнул головой статный Гайдуков, стоящий и не по «смирно» будто бы, но вытянуто. – Северяк задувает крепенько!

Было ему лет девятнадцать, но с тем ранним налётом мужества, который на доверчивое лицо ложится от фронта, как загар от солнца.

(Вот этот налёт фронта на лицах и поднимал Зотова от стола).

А дел к ним у помощника коменданта было мало. Во всяком случае не полагалось

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru разговаривать о составе грузов, потому что они могли везти вагоны запломбированными, ящики забитыми и сами не зная, что везут.

Но им – многое надо было от коменданта попутной станции.

И они врезались в него – одним весёлым взглядом и одним угрюмым.

Гайдукову надо было понять, не прицепчивая ли тыловая крыса этот комендант, не потянется ли сейчас смотреть его эшелон и груз.

За груз он, впрочем, не опасался нисколько, свой груз он не просто охранял, но любил: это были несколько сот отличных лошадей и отправленных смыслённым интендантом, загрузившим в тот же эшелон прессованного сена и овса в достатке, не надеясь на пополнение в пути. Гайдуков вырос в деревне, смала пристрастен был к лошадям и ходил к ним теперь как к друзьям, в охотку, а не по службе помогая дежурным бойцам поить, кормить их и доглядывать. Когда он отодвигал дверь и по проволочной висячей стремянке подымался в вагон с «летучей мышью» в руке, все шестнадцать лошадей вагона – гнедые, рыжие, караковые, серые – поворачивали к нему свои настороженные длинные умные морды, иные перекидывали их через спины соседок и смотрели немигающими большими грустными глазами, ещё чутко перебирая ушами, как бы не сена одного прося, но – рассказать им об этом грохочущем подсакивающим ящике и зачем их, куда везут. И Гайдуков обходил их, протискиваясь между теплыми крупами, трепал гривы, а когда не было с ним бойцов, то гладил храпы и разговаривал. Им на фронт было ехать тяжелее, чем людям; им этот фронт был нужен, как пятая нога.

Чего Гайдуков опасался сейчас перед комендантом (нотот, видно, парень сходный и стережётся нечего) – чтоб не пошёл он заглянуть в его теплушку. Хотя солдаты в конвое Гайдукова ехали больше новички, но сам он уже побывал на переднем крае и в июле был ранен на Днепре, два месяца пролежал в госпитале и поработал там при каптёрке, и вот ехал снова на фронт. Поэтому он знал и уставы и как их можно и надо нарушать. Их двадцать человек молодых ребят лишь попутно везли лошадей, а сдав их, должны были влиться в дивизию. Может быть, через несколько дней всё это новое обмундирование они измажут в размокшей траншейной глине, да ещё хорошо, если в траншеях, а то за бугорочками малыши будут прятать головы от наседающих на плечи немецких мин, – миномёты немецкие больше всего досадили Гайдукову летом. Так сейчас эти последние дни хотелось прожить тепло, дружно, весело. В их просторной теплушке две чугунные печи калились, не переставая, углем-кулаком, добытым с других составов. Эшелон их пропускали быстро, нигде они не застаивались, но как-то успевали раз в сутки, напоить лошадей и раз в три дня отovarить продаттестаты. А если эшелон шёл быстро, в него просились. И хотя устав строго запрещал пускать гражданских в караульные помещения, сам Гайдуков и помощник его, перенявший от него разбитную манеру держаться, не могли смотреть на людей, стынувших на осеннем полотне и ошалело бегающих вдоль составов. Не то чтобы пускали просящих всех, но не отказывали многим. Какого-то инспектора хитрого пустили за литр самогону, ещё рыжего старика с сидорами – за шматок сала, кого – ни за так, а особенно отзывно – не устаивало их сердце – подхватывали они в свой вагон, спуская руки навстречу, молодок и девок, тоже всё едущих и едущих куда то, зачем-то. Сейчас там, в жаре гомонящей теплушки, рыжий старик что-то лопочет про первую мировую войну, как он без малого не получил георгиевского креста, а из девок одна только недотрога, нахохлясь совушкой, сидит тут же у печки. Остальные давно от жары скинули пальто, телогрейки, даже и кофточки. Одна, оставшись в красной соколке, и сама раскраснелая, стирает сорочки ребятам и пособника своего, выжимающего бельё, хлопает мокрым скрутком, когда он слишком к ней подлезает. Две стряпают для ребят, управляя домашним смальцем солдатский сухой паёк. А ещё одна сидит и вычинивает, у кого что порвалось. Уедут с этой станции – поужинают, посидят у огня, споят под разухабистую болтанку вагона на полном ходу, а потом, не особо разбирая смены бодрствующей и отдыхающей (все намаиваются равно в водопой), – расползутся по нарам из неструганных досок, покато спать. И из этих сегодняшних молодок, как и из вчерашних, лишь недавно проводивших мужей на войну, и из девок – не все устоят, и там, в затеньях от фонаря, лягут с хлопцами, обнявшись.

Да и как не пожалеть солдату, едущего на передовую! Может, это последние в его жизни денёчки...

И чего сейчас только хотел Гайдуков от коменданта – чтобы тот отпустил его побыстрее. Да ещё бы выведать как-нибудь маршрут: для пассажиров – где их

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru ссаживать, и для себя – на каком теперь участке воевать? мимо дому не придётся ли кому проехать?

– Та-ак, – говорил лейтенант, поглядывая в попутные. – Вы не вместе ехали? Вас недавно сцепили?

– Да вот станций несколько.

Очками уперевшись в бумагу, лейтенант вытаращил губы.

– И почему вас сюда завезли? – спросил он старого Чкалова. – Вы в Пензе – были?

– Были, – отозвался хрипло Дыгин.

– Так какого же черта вас крутанули через Рязск? Это удивляться надо, вот головотяпы!

– Теперь вместе поедем? – спросил Гайдуков. (Идя сюда, он узнал от Дыгина его направление и хотел смекнуть своё.)

– До Грязей вместе.

– А потом?

– Военная тайна, – приятно окая, покрутил головой Зотов и сквозь очки снизу вверх прищурился на рослого сержанта.

– А всё ж таки? Через Касторную, нет?... – подговаривался Гайдуков, наклоняясь к лейтенанту.

– Там видно будет, – хотел строго ответить Зотов, но губы его чуть улыбнулись, и Гайдуков отсюда понял, что через Касторную.

– Прямо вечером и уедем?

– Да. Вас держать нельзя.

– Я – ехать не могу, – проскрипел Дыгин веско, недружелюбно.

– Вы – лично? Больны?

– Весь конвой не смогут.

– То есть... как? Я не понимаю вас. Почему вы не можете?

– Потому что мы – не собаки!! – прорвалось у Дыгина, и шары его глаз прокатились яростно под веками.

– Что за разговоры, – нахмурился Зотов и выпрямился. – А ну-ка поосторожней, младший сержант! – ещё сильнее окал он.

Тут он доглядел, что и зелёнький-то треугольник младшего сержанта был ввинчен только в одну петлицу шинели Дыгина, а вторая пуста была, осталась треугольная вмятина и дырочка посередине. Распущенные уши его будёновского шлема, как лопухи, свисали на грудь.

Дыгин зло смотрел исподлобья:

– Потому что мы... – простуженным голосом хрипел он, – одиннадцатый день... голодные...

– Как?? – откинулся лейтенант, и очки его сорвались с одного уха, он подхватил дужку, надел. – Как это может быть?

– Так. Бывает... Очень просто.

– Да у вас продаттестаты-то есть?

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
– Бумагу жевать не будешь.

– Да как вы живы тогда?!

– Так и живы.

Как вы живы! Пустой ребячий этот вопрос очкарика вконец рассердил Дыгина, и подумал он, что не будет ему помощи и на станции Кочетовка. Как вы живы! Не сам он, а голод и ожесточение стянули ему челюсти, и он по-волжски тяжело смотрел на беленького помощника военного коменданта в тёплой чистой комнате. Семь дней назад раздобылись они свёклой на одной станции, набрали два мешка прямо из сваленной кучи – и всю неделю свёклу эту одну парили в котелках, парили и ели. И уже воротить их стало с этой свеклы, кишки её не принимали. Позапрошлой ночью, когда стояли они в Александро-Невском, поглядел Дыгин на своих заморенных солдатиков запасников – все они были старше его, а и он не молод, – решился, встал. Ветер выл под вагонами и свиристел в щели. Чем-то надо было нутро угомонить хоть немножко. И – ушёл во мрак. Он вернулся часа через полтора и три буханки кинул на нары. Солдат, сидевший около, обомлел: «Тут и белая одна!» – «Ну? – равнодушно досмотрелся и Дыгин. – А я не заметил.» Обо всём этом не рассказывать же было сейчас коменданту. Как вы живы!... Десять дней ехало их четверо по своей родной стране, как по пустыне. Груз их был – двадцать тысяч сапёрных лопаток в заводской смазке. И везли они их – Дыгин знал это с самого места – из Горького в Тбилиси. Но все грузы были, видно, срочней, чем этот заклятый холодный в застывшей смазке груз. Начиналась третья неделя, а они ещё и половины пути не проехали. Самый последний диспетчериска, кому не лень, отцеплял их четыре вагона и покидал на любом полустанке. По продаттестатам получили они на три дня в Горьком, а потом на три дня в Саранске – и с тех пор нигде не могли прихватить продпункт открытым. Однако и это бы всё было горе перетерпное, они б и ещё пять дней переголодовали, если б знали, что потом за все пятнадцать получат. Но выло брюхо и стонала душа оттого, что закон всех продпунктов: за прошлые дни не выдаётся. Что прошло, то в воду ушло.

– Но почему ж вам не отоваривают? – добивался лейтенант.

– А вы – отоварите? – раздвинул челюсти Дыгин.

Он ещё из вагона выпрыгивал – узнал у встречного бойца, что продпункт на этой станции есть. Но – стемнело уже, и, по закону, нечего было топать к тому окошку.

Сержант Гайдуков забыл свою весёлую стойку перед комендантом и повернут был, к Дыгину. Теперь он длинной рукой трепанул того по плечу:

– Брато-ок! Да что ж ты мне не сказал? Да мы тебе сейчас подкинем!

Дыгин не колыхнулся под хлопком и не повернулся, всё так же мертво глядя на коменданта. Он сам себе тошен был, что такой недотёпистый со своими стариками – за все одиннадцать дней не попросили они есть ни у гражданских, ни у военных: они знали, что лишнего куска в такое время не бывает. И подъехать никто не просился в их теплушку заброшенную, отцепляемую. И табак у них кончился. А из-за того, что вся теплушка была в щелях, они зашили тёсом три окошка из четырёх, и в вагоне у них было темно и днём. И, уже махнув на всё, они и топили-то поконец рук – и так на долгих остановках, по суткам и по двое, вокруг темноватой печки сидели, уваривали свёклу в котелках, пробовали ножом и молчали.

Гайдуков выровнялся молодцеватым броском:

– Разрешите идти, товарищ лейтенант?

– Идите.

И убежал. Тёплой рукой сейчас они отсыпят солдыгам и пшена и табачку. У той старухи слезливой ничего за проезд не брали – ну-ка, пусть для ребят выделит, не жмётся. И инспектору надо ещё по чемодану постучать, услышать обязан.

– Та-ак, седьмой час, – соображал лейтенант. – Продпункт наш закрыт.

– Они всегда закрыты бывает... Они с десяти до пяти только... В Пензе я в очередь стал, шумят – эшелон отходит. Моршанск ночью проехали. И Ряжск ночью.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

– Подожди-подожди! – засуетился лейтенант. – Я этого дела так не оставлю! А ну-ка!

И он взял трубку полевого телефона, дал один долгий зуммер.

Не подходили.

Тогда он дал тройной зуммер.

Не подходили.

– А, чёрт! – Ещё дал тройной. – Гуськов, ты?

– Я, товарищ лейтенант.

– Почему у тебя боец у телефона не сидит?

– Отошёл тут. Молока кислого я достал. Хотите – вам принесу, товарищ лейтенант?

– Глупости, ничего не надо!

(Он не из-за Дыгина так сказал. Он и всё время запрещал Гуськову что-нибудь себе носить – принципиально. И чтобы сохранялась чистота деловых отношений, иначе с него потом службы не потребуешь. Напротив, Зотов и капитану докладывал, что Гуськов разбалтывается.)

– Гуськов! Вот какое дело. Приехал тут конвой, четыре человека, они одиннадцатый день ничего не получают.

Гуськов свистнул в телефон.

– Что ж они, раззявы!

– Так вышло. Надо помочь. Надо, слушай, сейчас как-нибудь вызвать Чичишева и Саморукова, и чтоб они выдали им по аттестату.

– Где их найдёшь, лёгкое дело!

– Где! На квартирах.

– Грязюка такая, ног по колено не выдерешь, да темно, как у...

– Чичишев близко живёт.

– А Саморуков? За путями. Да не пойдёт он ни за что, товарищ лейтенант!

– Чичишев пойдёт!

Бухгалтер Чичишев был военнослужащий, призван из запаса, и пришлёпали ему четыре треугольника, но никто не видел в нём военного, а обычного бухгалтера, немолодого, натрелого в деле. Он и разговаривать без счётов не мог. Спрашивал: «Сколько времени? Пять часов?» – и пять сейчас же для понимания крепко щёлкал на косточках. Или рассуждал: «Если человек один (и косточку – щёлк!), ему жить трудно. Он (и вторую к первой – щёлк!) – женится». Когда от очереди, гудящей, сующей ему продаттестаты, он был отделён закрытым окном и решёткой и только малая форточка оставлена для сующихся рук – Чичишев бывал очень твёрд, кричал на бойцов, руки отталкивал и форточку прикрывал, чтоб не дуло. Но если ему приходилось выйти прямо к толпе или команда прорывалась к нему в каморку – он сразу втягивал шар головы в маленькие плечи, говорил «братцы» и ставил штампы. Так же суетлив и услужлив он перед начальством, не посмеет отказать никому, у кого в петлицах кубики. Продпункт не подчиняется дежурному помощнику коменданта, но Чичишев не откажет, думал Зотов.

– А Саморуков не пойдёт, – твердил своё Гуськов. Старшиной считался и Саморуков, но с презрением смотрел на лейтенантов. Здоровый, раскормленный волк, он был просто кладовщик и ларечник продпункта, но держался на четыре шпалы. С достоинством, на четверть часа позже, он подходил к ларьку, проверял пломбы,

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru открывал замки, поднимал и подпирали болтами козырёк – и всё с видом одолжения на неприязненном щекастом лице. И сколько бы красноармейцев, торопящихся на эшелоны, команд и одиночек, и инвалидов не теснилось бы перед окошком, матеря и костыляя друг друга, пробиваясь поближе, – Саморуков спокойно заворачивал рукава по локоть, обнажая жирные руки колбасника, придирчиво проверял на измятых, изорванных аттестатах штампы Чичишева и спокойно взвешивал (и уж наверно недовешивал!), ничуть не волнуясь, успеют ребята на свои эшелоны или нет. Он и квартиру себе выбрал на отшибе нарочно, чтоб его не беспокоили в нерабочее время, и хозяйку подыскал с огородом и с коровой.

Зотов представил себе Саморукова – и в нём забулькало. Эту породу он ненавидел, как фашистов, угроза от них была не меньше. Он не понимал, почему Сталин не издаст указа – таких Саморуковых расстреливать тут же, в двух шагах от ларька, при стечении народа.

«Нет, Саморуков не пойдёт», – соображал и Зотов. И злясь, и подло робея перед ним, Зотов не решился бы его тронуть, если б эти нерасторопные ребята не ели три или пять только дней. Но – одиннадцать!

– Ты вот что, Гуськов, ты не посылай бойца, а походи к нему сам. И не говори, что четыре человека голодных, а скажи, что срочно вызывает капитан – через меня, понял? И пусть идёт ко мне. А я – договарюсь!

Гуськов молчал.

– Ну, чего молчишь? Приказание понял? «Есть» – и отправляйся.

– А вы капитана спрашивали?

– Да тебе какое дело? Отвечаю – я! Капитан вышел, нет его сейчас.

– И капитан ему не прикажет, – рассудил Гуськов. – Такого порядка нет, чтоб ночью пломбу снимать и опять ставить из-за двух буханок да трёх селёдок.

И то была правда.

– А чего спешка такая? – размышлял Гуськов. – Пусть до десяти утра подождут. Одна ночь, подумаешь! На брюхо лёг, спиной укрылся.

– Да у них эшелон сейчас уходит. Быстрый такой эшелон, жалко их отцеплять, они без того застряли. Груз-то их где-то ждут, где-то нужен.

– Так если эшелон уходит – всё равно Саморуков прийти не успеет. Туда да назад по грязи, хоть и с фонарём, – полтора часа, не меньше. Два.

Опять-таки разумно расположил Гуськов...

Не разжимая челюстей, в шизе будёновки с опущенными ушами, дочерна обветренный, Дыгин впивался в трубку – понять, что же толкуют с той стороны.

– И за сегодня пропало, – потерянно кивнул он теперь.

Зотов вздохнул, отпустил клапан, чтобы Гуськов не слышал.

– Ну, что делать, братец? Сегодня не выйдет. Может, до Грязей идите с этим эшелоном? Эшелон хороший, к утру – там.

И уговорил бы, но Дыгин уже почувствовал в этом лейтенанте слабину.

– Не поеду. Арестуйте. Не поеду.

В стекло двери постучали. Какой-то дородный гражданин в шерстяном широком кепи в черно-серую рябинку стоял там. С вежливым поклоном он, видимо, спрашивал разрешения, но здесь не было слышно.

– Ну-ну! Войдите! – крикнул Зотов. И нажал клапан трубки: – Ладно, Гуськов, положи трубку, я подумаю.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Мужчина за дверью не сразу понял, потом отворил немного и ещё раз спросил:

– Разрешите войти?

Зотов удивил его голос – богатый, низкий и благородно-сдерживаемый, чтобы не хвалиться. Одет он был в какую-то долгополую, но с окороченными рукавами, тяжёлую рыжую куртку невоенного образца, обут же – в красноармейские ботинки с обмотками, в руке он держал красноармейский небольшой засаленный вещмешок. Другой рукой, входя, он приподнял солидную кепку и поклонился обоим:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Скажите, пожалуйста, – очень вежливо, но и держась осанисто, как если б одет был не странно, а весьма даже порядочно, спросил вошедший, – кто здесь военный комендант?

– Дежурный помощник. Я.

– Тогда, вероятно, я – к вам.

Он поискал, куда деть рябую кепку, припылённую, кажется, и углем, не нашёл, поджал её под локоть другой руки, а освободившуюся озабоченно стал расстегивать свой суконник. Суконник его был вовсе без ворота, а верхней, ворот был оторван, и тёплый шерстяной шарф окутывал оголённую шею. Расстегнувшись, подо всем этим вошедший открыл летнее, сильно выгоревшее, испачканное красноармейское обмундирование – и ещё стал отстёгивать карман гимнастёрки.

– Подождите-подождите, – отмахнулся Зотов. – Так вот что... – Он щурился на угрюмого неподвижного Дыгина. – Что в моей власти полностью, то я тебе сделаю: отцеплю тебя сейчас. В десять часов утра отоваришься...

– Спасибо, – сказал Дыгин и смотрел налитыми глазами.

– Да не спасибо, а вообще-то не положено. С таким хорошим эшелом идёшь. Теперь к чему тебя прицепят – не знаю.

– Да уж две недели тащимся. Сутки больше, сутки меньше, – оживился Дыгин. – Груз я свой вижу.

– Не-ет, – поднял палец Зотов и потряс. – Нам с тобой судить нельзя. – Покосился на постороннего, подошёл к Дыгину плотно и сказал еле внятно, но так же заметно окая: – Раз уж ты свой груз видишь – сообрази. Твоими лопатками сколько окопаться может? Две дивизии! А в землю влезть – это жизнь сохранить. Двадцать тысяч лопаток – это двадцать тысяч красноармейских жизней. Так?

Зотов опять покосился. Вошедший, поняв, что он мешает, отошел к стене, отвернулся и свободной, рукой по очереди закрывал – нет, не закрывал, а грел уши.

– Что? Замерзли? – усмехнулся Зотов громко.

Тот обернулся, улыбаясь:

– Вы знаете, страшно похолодало. Ветер – безумный. И мокрый какой-то.

Да, ветер свистел, обтираясь об угол здания, и позвенивал непримазанным стеклом в правом окне, за шторкой. И опять пожуркивала вода из трубы.

Очень симпатичная, душу растворяющая улыбка была у этого небритого чудака. Он и стрижен не был наголо. Короткие и негустые, но покрывали его крупную голову мягкие волосы, сероватые от искорок седины.

Не был он похож ни на бойца, ни на гражданского.

– Вот, – держал он в руке приготовленную бумажку. – Вот моя...

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru – Сейчас, сейчас. – Зотов взял его бумажку, не глядя. – Вы... присядьте. Вот на этот стул можете. – Но ещё взглянув на его шутовской кафтан, вернулся к столу, шифровку и ведомости собрал, запер в сейф, тогда кивнул Дыгину и вышел с ним к военному диспетчеру.

Она что-то доказывала по телефону, а тётя Фрося, на корточках присев к печи, обсушивалась. Зотов подошёл к Подшебякиной и взял её за руку – за ту, которая держала трубку.

– Валюта...

Девушка обернулась живо и посмотрела на него с игринкой – так, показалось ей, ласково он её взял и держал за руку. Но ещё кончила в телефон:

– А тысяча второй на проход идёт, у нас к нему ничего. На тамбовскую забирай его, Петрович!...

– Валечка! Пошли быстренько тётю Фросю или переписать, или прямо сцепщикам показать эти четыре вагона, вот младший сержант с ней пойдёт, и пусть диспетчер их отцепит и отсунет куда-нибудь с прохода до утра.

Тётя Фрося с корточек, как сидела, большим суровым лицом обернулась на лейтенанта и сдвинула губу.

– Хорошо, Василь Васильич, – улыбнулась Валя. Она без надобности так и держала руку с трубкой, пока он не снял своих пальцев. – Пошлю сейчас.

– А состав тот – с первым же паровозом отправлять. Постарайся.

– Хорошо, Василь Васильич, – радостно улыбнулась Валя.

– Ну, всё! – объявил лейтенант Дыгину.

Тётя Фрося вздохнула, как кузнечный мех, крякнула и распрямилась.

Дыгин молча поднял руку к виску и подержал так. Лопухий он был от распущенного шлема, и ничего в нём не было военного.

– Только мобилизован? Из рабочих, небось?

– Да. – Дыгин твёрдо благодарно смотрел на лейтенанта.

– Треугольничек-то привинти, – указал ему Зотов на пустую петлицу.

– Нету. Сломался.

– И шлем или уж застегни, или закатай, понял?

– Куда закатывать? – огрызнулась тётя Фрося уже в плаще. – Там дряпня заворачивает! Пошли, милоч!

– Ну, ладно, счастливого! Завтра тут другой будет лейтенант, ты на него нажимай, чтоб отправлял.

Зотов вернулся к себе, притворил дверь. Он и сам четыре месяца назад понятия не имел, как затягивать пояс, а поднимать руку для отдачи приветствия казалось ему особенно нелепо и смешно.

При входе Зотова посетитель не встал со стула полностью, но сделал движение, изъявлявшее готовность встать, если нужно. Вещмешок теперь лежал на полу, и мелко-рябое кепи покрывало его.

– Сидите, сидите. – Зотов сел за стол. – Ну, так что?

Он развернул бумажку.

– Я... от эшелона отстал... – виновато улыбнулся тот.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru Зотов читал бумажку – это был догонный лист от ряжского военного коменданта – и, взглядывая на незнакомца, задавал контрольные вопросы:

– Ваша фамилия?

– Тверитинов.

– А зовут вас?

– Игорь Дементьевич.

– Это вам уже больше пятидесяти?

– Нет, сорок девять.

– Какой был номер вашего эшелона?

– Понятия не имею.

– Что ж, вам не объявляли номера?

– Нет.

– А почему здесь поставлен? Назвали его – вы? (Это был 245413-й тот арчединский, который Зотов проводил прошлой ночью.)

– Нет. Я рассказал в Ряжске, откуда и когда он шёл – и комендант, наверно, догадался.

– Где вы отстали?

– В Скопине.

– Как же это получилось?

– Да если откровенно говорить... – та же сожалительная улыбка тронула крупные губы Тверитинова, – пошёл... вещички поменять. На съестное что-нибудь... А эшелон ушёл. Теперь без гудков, без звонков, без радио – так тихо уходят.

– Когда это было?

– Позавчера.

– И не успеваете догнать?

– Да, видимо, нет. И – чем догонять? На платформе – дождь. На площадке вагонной, знаете, такая с лесенкой – сквозняк ужасный, а то и часовые сгоняют. В теплушки не пускают: или права у них нет, или места у них нет. Видел я однажды пассажирский поезд, чудо такое, так кондукторы стоят на ступеньках по двое и прямо, знаете, сталкивают людей, чтоб не хватались за поручни. А товарные – когда уже тронутся, тогда садиться поздно, а пока стоят без паровоза – в какую сторону они пойдут, не догадаешься. Эмалированной дощечки «Москва – Минеральные воды» на них нет. Спрашивать ни у кого нельзя, за шпиона посчитают, к тому ж я так одет... Да вообще у нас задавать вопросы опасно.

– В военное время, конечно.

– Да оно и до войны уже было.

– Ну, не замечал!

– Было, – чуть сощурился Тверитинов. – После тридцать седьмого...

– А – что тридцать седьмой? – удивился Зотов. – А что было в тридцать седьмом? Испанская война?

– Да нет... – опять с той же виноватой улыбкой потупился Тверитинов.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru Мягкий серый шарф его распустился и в распахе суконника свисал ниже пояса.

– А почему вы не в форме? Шинель ваша где?

– Мне вообще шинели не досталось. Не выдали... – улыбнулся Тверитинов.

– А откуда этот... чапан?

– Люди добрые дали.

– М-м-да... – Зотов подумал. – Но вообще я должен сказать, что вы довольно быстро ещё добрались. Вчера утром вы были у ряжского коменданта, а сегодня вечером уже здесь. Как же вы ехали?

Тверитинов смотрел на Зотова в полноту своих больших доверчивых мягких глаз. Зотову была на редкость приятна его манера говорить; его манера останавливаться, если казалось, что собеседник хочет возразить; его манера не размахивать руками, а как-то лёгкими движениями пальцев пояснять свою речь.

– Мне исключительно повезло. На какой-то станции я вылез из полувагона... Я за эти два дня стал разбираться в железнодорожной терминологии. «Полувагон» – я считал, в нём должно же быть что-то от вагона, ну, хотя бы полкрыши. Я залез туда по лесенке, а там просто железная яма, капкан, и сесть нельзя, прислониться нельзя: там прежде был уголь, и на ходу пыль взвихривается и всё время кружит. Досталось мне там. Тут ещё и дождь пошёл...

– Так в чём же вам повезло? – расхохотался Зотов. – Не понимаю. Вон одежонку испачкали как!

Когда он смеялся, две большие добрые смеховые борозды ложились по сторонам его губ – вверх до разляпистого носа.

– Повезло, когда я вылез из полувагона, отряхнулся, умылся и вижу: цепляют к одному составу паровоз на юг. Я побежал вдоль состава – ну, ни одной теплушки, и все двери запломбированы. И вдруг смотрю – какой-то товарищ вылез, постоял по надобности и опять лезет в незакрытый холодный вагон. Я – за ним. А там, представляете, – полный вагон ватных одеял!

– И не запломбирован?!

– Нет! Причём, видимо, они сперва были связаны пачками, там по десять или по пять, а теперь многие пачки развязаны, и очень удобно в них зарыться. И несколько человек уже спят!

– Ай-яй-яй!

– Я в три-четыре одеяла замотался и так славно, так сладко спал целые сутки напролёт! Ехали мы или стояли – ничего не знаю. Тем более третий день мне пайка не дают – я спал и спал, всю войну забыл, всё окружение... Видел родных во сне...

Его небритое мятое лицо светилось.

– Стоп! – спохватую сорвался Зотов со стула. – Это в том составе... Вы с ним приехали – когда?

– Да вот... минут – сколько? Сразу к вам пришёл. Зотов кинулся к двери, с силой размахнул её, выскочил:

– Валя! Валя! Вот этот проходной на Балашов, тысяча какой-то по вашему...

– Тысяча второй.

– Он ещё здесь?

– Ушёл.

– Это – точно?

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
– Точно.

– Ах, чёрт!! – схватился он за голову. – Сидим тут, бюрократы проклятые, бумажки перекладываем, ничего не смотрим, хлеб зря едим! А ну-ка, вызовите Мичуринск-Уральский!

Он заскочил опять к себе и спросил Тверитинова:

– А вы номер вагона не помните?

– Нет, – улыбнулся Тверитинов.

– Вагон – двухосный или четырёхосный?

– Я этого не понимаю..

– Ну как не понимаете! Маленький или большой? На сколько тонн?

– Как в гражданскую войну говорилось: «Сорок человек, восемь лошадей».

– Так шестнадцать тонн, значит. И – конвоя не было?

– Да как будто нет.

– Василь Васильич! – крикнула Валя. – Военный диспетчер на проводе. Вам – коменданта?

– Да может и не коменданта, груз может и не военный.

– Так тогда разрешите, я сама выясню?

– Ну, выясните, Валечка! Может, эти одеяла просто эвакуируются, шут их там знает. Пусть пройдут внимательно, найдут этот вагон, определят принадлежность, сактируют, запломбируют – одним словом, разберутся!

– Хорошо, Василь Васильич.

– Ну, пожалуйста, Валечка. Ну, вы – очень ценный работник!

Валя улыбнулась ему. Кудряшки засыпали всё её лицо.

– Але! Мичуринск-Уральский!...

Зотов затворил дверь и, ещё волнуясь, прошёл по комнате, побил пястью о пясть.

– Работы – не охватить, – окал он. – И помощника не дают!... Ведь эти одеяла шутя могут разворовать. Может, уже недостача.

Он ещё походил, сел. Снял очки протереть тряпочкой. Лицо его сразу потеряло деловитость и быстрый смысл, стало ребяческое, защищённое только зелёной фуражкой.

Тверитинов терпеливо ждал. Он обошёл безрадостным взглядом шторы маскировки, цветной портрет Кагановича в мундире железнодорожного маршала, печку, ведро, совок. В натопленной комнате суконник его, сметенный угольной пылью, начинал тяготить Тверитинова. Он откинул его по-за плечи, а шарф снял.

Лейтенант надел очки и опять смотрел в догонный лист. Догонный лист, собственно, не был настоящим документом, он составлен был со слов заявителя и мог содержать в себе правду, а мог и ложь. Инструкция требовала крайне пристально относиться к окруженцам, а тем более одиночкам. Тверитинов не мог доказать, что он отстал именно в Скопине. А может быть, в Павельце? И за это время съездил в Москву или ещё куданибудь по заданию?

Но в его пользу говорило, что уж очень быстро он добрался.

Впрочем, где гарантия, что он именно из этого эшелона?

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
– Так вам тепло было сейчас ехать?

– Конечно. Я б с удовольствием и дальше так поехал.

– Зачем же вы вылезли?

– Чтоб явиться к вам. Мне так велели в Ряжске.

На большой голове Тверитинова все черты были крупны: лоб широк и высок, брови густые, крупные, и нос большой. А подбородок и щёки заросли равномерной серо-седою щетиной.

– Откуда вы узнали, что это Кочетовка?

– Грузин какой-то спал рядом, он мне сказал.

– Военный? В каком звании?

– Я не знаю, он из одеял только голову высунул. Тверитинов стал отвечать как-то печально, как будто с каждым ответом теряя что-то.

– Ну, так. – Зотов отложил догонный лист. – Какие у вас есть ещё документы?

– Да никаких, – грустно улыбнулся Тверитинов. – Откуда ж у меня возьмутся документы?

– Н-да... Никаких?

– В окружении мы нарочно уничтожали, у кого что было.

– Но сейчас, когда вас принимали на советской территории, вам же должны были выдать что-то на руки?

– Ничего. Составили списки, разбили по сорок человек и отправили.

Верно, так и должно было быть. Пока человек не отстал, он член сороковки, не нужны ему документы.

Но своё невольное расположение к этому воспитанному человеку с такой достойной головой Зотову всё же хотелось подтвердить хоть каким-нибудь материальным доказательством.

– Ну что-нибудь! Что-нибудь бумажное у вас в карманах осталось?

– Ну только разве... фотокарточки. Семьи.

– Покажите! – не потребовал, а попросил лейтенант.

У Тверитинова слегка поднялись брови. Он ещё улыбнулся той растерянной или не могущей выразить себя улыбкой и из того же кармана гимнастёрки (другой у него не застёгивался, не было пуговицы) вынул плоский свёрток плотной оранжевой бумаги. Он развернул его на коленях, достал две карточки девять на двенадцать, сам ещё взглянул на ту и другую, потом привстал, чтобы поднести карточки коменданту, – но от стула его до стола было недалеко, Зотов переклонился и принял снимки. Он стал рассматривать их, а Тверитинов, продолжая держать разогнутую обёртку у колена, выпрямил спину и тоже пытался издали смотреть.

На одной из карточек в солнечный день в маленьком саду и, наверно, ранней весной, потому что листочки ещё были крохотные, а глубина деревьев сквозистая, снята была девочка лет четырнадцати в полосатеньком сереньком платьице с перехватом. Из открытого ворота возвышалась длинная худая шейка, и лицо было вытянутое, тонкое – на снимке хоть и неподвижное, а как бы вздрогнувшее. Во всём снимке было что-то недозревшее, недосказанное, и получился он не весёлый, а щемлящий.

Девчушка очень понравилась Зотову. Его губы распустились.

– Как зовут? – тихо спросил он.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

Тверитинов сидел с закрытыми глазами.

– Ляля, – ещё тише ответил он. Потом открыл веки и поправился: Ирина.

– Когда снята?

– В этом году.

– А где это?

– Под Москвой.

Полгода! Полгода прошло с минуты, когда сказали: «Ляленька! Снимаю!» – и щёлкнули затвором, но уже грохнули десятки тысяч стволов с тех пор, и вырвались миллионы чёрных фонтанов земли, и миллионы людей прокружились в какой-то проклятой карусели – кто пешком из Литвы, кто поездом из Иркутска. И теперь со станции, где холодный ветер нёс перемесь дождя и снега, где изнывали эшелоны, безутолку толпились днём и на чёрных полах распологом спали ночью люди, – как было поверить, что и сейчас есть на свете этот садик, эта девочка, это платье?!

На втором снимке женщина и мальчик сидели на диване и рассматривали большую книжку с картинками во весь лист. Мать тоже была худощавая, тонкая, наверно высокая, а семилетний мальчик с плотным лицом и умным-преумным выражением смотрел не в книжку, а на мать, объяснявшую ему что-то. Глаза у него были такие же крупные, как у отца.

И вообще все они в семье были какие-то отборные. Самому Зотову никогда не приходилось бывать в таких семьях, но мелкие засечки памяти то в Третьяковской галерее, то в театре, то при чтении незаметно сложились в понятие, что такие семьи есть. Их умным уютом пахло на Зотова с двух этих снимков.

Возвращая их, Зотов заметил:

– Да вам жарко. Вы разденьтесь.

– Да, – согласился Тверитинов и снял суконник. Он затруднился, куда его деть.

– Вон, на диван, – показал Зотов и даже сделал движение положить сам.

Теперь обнаружили латки, надорванность, разнота пуговиц летней обмундировки Тверитинова и неумелость с обмотками: свободные витки их сползали и побалтывались. Вся одежда такая казалась издевательством над его большой седоватой головой.

Зотов уже не сдерживал симпатии к этому уравновешенному человеку, не зря так сразу понравившемуся ему.

– А кто вы сами? – с уважением спросил он. Грустно заворачивая карточки в оранжевую бумагу, Тверитинов усмехнулся своему ответу:

– Артист.

– Да-а? – поразился Зотов. – Как это я не догадался сразу! Вы очень похожи на артиста!... (Сейчас-то он менее всего походил!...)

...Заслуженный, наверно?

– Нет.

– Где ж вы играли?

– В Драматическом, в Москве.

– В Москве я только один раз был – во МХАТе, мы экскурсией ездили. А вот в Иванове часто бывал. Вы – ивановский новый театр не видели?

– Нет.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

– Снаружи – так себе, коробка серая, железобетонный стиль, а внутри – замечательно! Я очень любил бывать в театрах, ведь это не просто развлечение, ведь в театрах учишься, верно?...

(Конечно, акты о сгоревшем эшелоне кричали, что в них надо разбираться, но на то нужно было полных два дня всё равно. А лестно познакомиться и часок поговорить с большим артистом!)

– В каких же ролях вы играли?

– Многих, – невесело улыбнулся Тверитинов. – За столько лет не перечислишь.

– Ну всё-таки? Например?

– Ну... подполковник Вершинин... доктор Ранк...

– У-гм... у-гм... (Не помнил Зотов таких ролей.) А в пьесах Горького вы не играли?

– Конечно, обязательно.

– Я больше всего люблю пьесы Горького. И вообще – Горького! Самый наш умный, самый гуманный, самый большой писатель, вы согласны?

Тверитинов сделал бровями усилие найти ответ, но не нашёл его и промолчал.

– Мне кажется, я даже фамилию вашу знаю. Вы – незаслуженный?

Зотов слегка покраснел от удовольствия разговора.

– Был бы заслуженный, – чуть развёл руками Тверитинов, – пожалуй, здесь бы не был сейчас.

– Почему?... Ах, ну да, вас бы не мобилизовали.

– Нас и не мобилизовали. Мы шли – в ополчение. Мы записывались добровольно.

– Ну, так добровольно записывались, наверно, и заслуженные?

– Записывались все, начиная с главных режиссёров. Но потом некто после какого-то номера провёл черту, и выше черты – остались, ниже черты – пошли.

– И было у вас военное обучение?

– Несколько дней. Штыковому бою. На палках. И как бросать гранаты. Деревянные.

Глаза Тверитинова упёрлись в какую-то точку пола так прочно, что казались остеклелыми.

– Но потом, вас – вооружили?

– Да, уже на марше подбрасывали винтовки. Образца девяносто первого года. Мы до самой Вязьмы шли пешком. А под Вязьмой попали в котёл.

– И много погибло?

– Я так думаю, в плен больше попало. Небольшая нас группка слилась с окруженцами-фронтовиками, они нас и вывели. Я даже не представляю сейчас, где фронт? У вас карты нет?

– Карты нет, сводки неясные, но я так могу вам сказать: Севастополь с кусочком наш, Таганрог у нас, Донбасс держим. А вот Орёл и Курск – у них...

– Ой-йо-йо!... – А под Москвой?

– Под Москвой особенно непонятно. Направления уже почти дачные. А Ленинград – тот вообще отрезан...

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Лоб Зотова и вся полоса глаз сдвинулась в морщины страдания:

– А я не могу попасть на фронт!

– Попадёте ещё.

– Да вот разве потому только, что война – не на год.

– Вы были студент?

– Да! Собственно, мы защищали дипломы уже в первые дни войны. Какая уж там защита!... Мы должны были к декабрю их готовить. Тут нам сказали: тащите, у кого какие чертежи, расчёты, и ладно. – Зотову стало интересно, свободно, он захлёбывался всё сразу рассказать. – Да ведь все пять лет... Мы поступали в институт – уже поднял мятеж франко! Потом сдали Австрию! Чехословакию! Тут началась мировая война! Тут – финская! Вторжение Гитлера во Францию! в Грецию! в Югославию!... С каким настроением мы могли изучать текстильные машины?! Но дело не в этом. После защиты дипломов ребят послали сразу на курсы при Академии моторизации механизации, а я из-за глаз отстал, очень близорукий. Ну, ходил штурмовал военкомат каждый день, каждый день. У меня опыт ещё с тридцать седьмого года... Единственное, чего добился – дали путёвку в Интендантскую академию. Ладно. Я с этой путёвкой проезжал Москву, да и сунулся в Наркомат обороны. Допросился к какому-то полковнику старому, он спешил ужасно, уже портфель застёгивал. Так, мол, и так, я инженер, не хочу быть интендантом. «Покажите диплом!» А диплома со мной нет... «Ладно, вот тебе один только вопрос, ответишь – значит, инженер: что такое кривошип?» Я ему чеканю с ходу: «Устройство, насаженное на ось вращения и шарнирно соединённое с шатуном для...» Зачеркнул Интендантскую, пишет: «В Транспортную академию». И убежал с портфелем. Я – торжествую! А приехал в Транспортную – набора нет, только курсы военных комендантов. Не помог и кривошип!...

Вася знал, что не время сейчас болтать, вспоминать, но уж очень был редок случай отвести душу с внимательным интеллигентным человеком.

– Да вы курите, наверно? – опомнился Вася. – Курите же, пожалуйста... – он скопился на догонный лист... – Игорь Дементьевич. Вот табак, вот бумага – мне выдают, а я не курю.

Он достал из ящика пачку лёгкого табака; едва начатую, и подвинул Игорю Дементьевичу.

– Курю, – сознался Игорь Дементьевич, и лицо его озарилось предвкушением. Он приподнялся, наклонился над пачкой, но не стал сразу сворачивать, а сперва просто набрал в себя табачного духу и, кажется, чуть простонал. Потом прочёл название табака, покрутил головой:

– Армянский...

Свернул толстую папиросу, склеил языком, и тут же Вася поджёг ему спичку.

– А в ватных одеялах – там никто не курит? – осведомился Зотов.

– Я не заметил, – уже блаженно откинулся Игорь Дементьевич. – Наверно, не было ни у кого.

Он курил с прищуренными глазами.

– А что вы упомянули о тридцать седьмом? – только спросил он.

– Ну, вы же помните обстановку тех лет! – горячо рассказывал. Вася. – Идёт испанская война! фашисты – в Университетском городке. Интербригада! Гвадалахара, Харама, Теруэль! Разве усидишь? Мы требуем, чтобы нас учили испанскому языку – нет, учат немецкому. Я достаю учебник, словарь, запускаю зачёты, экзамены – учу испанский. Я чувствую по всей ситуации, что мы там участвуем, да революционная совесть не позволит нам остаться в стороне! Но в газетах ничего такого нет. Как же мне туда попасть? Очевидно, что просто бежать в Одессу и садиться на корабль – это мальчишество, да и пограничники. И вот я – к начальнику четвёртой части военкомата, третьей части, второй части, первой части: пошлите меня в Испанию!

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru смеются: ты с ума сошёл, там никого наших нет, что ты будешь делать?... Вы знаете, я вижу, как вы любите курить, забирайте-ка эту пачку всю себе! Я всё равно для угощения держу. И на квартире ещё есть. Нет уж, пожалуйста, положите её в вещмешок, завяжите, тогда поверю!... Табачок теперь – «проходное свидетельство», пригодится вам в пути... Да, и вдруг, понимаете, читаю в «Красной звезде», а я все газеты сплошь читал, цитируют французского журналиста, который, между прочим, пишет: «Германия и СССР рассматривают Испанию как опытный полигон». А я – дотошный. Выпросил в библиотеке этот номер, подождал ещё дня три, не будет ли редакционного опровержения. Его нет. Тогда иду к самому военкому и говорю: «Вот, читайте. Опровержения не последовало, значит, факт, что мы там воюем. Прошу послать меня в Испанию простым стрелком!» А военком как хлопнет по столу: «Вы – не провоцируйте меня! Кто вас подослал? Надо будет – позовём. Кру-гом!»

И Вася сердечно рассмеялся, вспоминая. Смеховые бороздки опять легли по его лицу. Очень непринуждённо ему стало с этим артистом и хотелось рассказать ещё о приезде испанских моряков, и как он держал к ним ответную речь по-испански, и расспросить, что и как было в окружении, вообще поговорить о ходе войны с развитым, умным человеком.

Но Подшебякина приоткрыла дверь:

– Василь Васильич! Диспетчер спрашивает: у вас есть что-нибудь к семьсот девяносто четвёртому? А то мы его на проход пустим. Зотов посмотрел в график:

– Это какой же? На Поворино?

– Да.

– Он уже здесь?

– Минут через десять подойдёт.

– Там что-то грузов наших мало. Что там ещё?

– Там промышленные грузы и несколько пассажирских теплушек.

– Ах, вот замечательно! Замечательно! Игорь Дементьевич, вот на этот я вас и посажу! Это очень для вас хороший поезд, вылезать не надо. Нет, Валечка, мои грузы идут там целиком, можно на проход. Пусть примут его тут поближе, на первый или на второй, скажи.

– Хорошо, Василь Васильич.

– А насчёт одеял ты всё передала?

– Всё точно, Василь Васильич.

Ушла.

– Жалко только одно, что накормить мне вас нечем, ни сухаря тут в ящике нет. – Зотов выдвинул ящик, как бы всё же не уверенный, может, сухарь-то и есть. Но паёк его был как паёк, и хлеб, приносимый на дежурство, Вася съедал с утра. – А ведь вы с тех пор, как отстали, ничего не едите?

– Не беспокойтесь, ради Бога, Василь Васильич. – Твернтинков приложил развёрнутый веер из пяти пальцев к своей засмороженной гимнастёрке с разными пуговицами. – Я и так бесконечно вам благодарен. – И взгляд и голос его уже не были печальны. – Вы меня пригрели буквально и переносно. Вы – добрый человек. Время такое тяжёлое, это очень ценно. Теперь, пожалуйста, объясните мне, куда же я поеду и что мне делать дальше?

– Сперва вы поедете, – с удовольствием разъяснял Зотов, – до станции Грязи. Вот жалко, карты нет. Представляете, где это?

– Н-не очень... Название слышал, кажется.

– Да известная станция! Если в Грязях вы будете днём, пойдите с этим вашим

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru листком – вот, я делаю на нём отметку, что вы были у меня, пойдите к военному коменданту, он напишет распоряжение в продпункт, вы получите на пару дней паёк.

– Очень вам благодарен.

– А если ночью – сидите, не вылезайте, держитесь за этот эшелон! Вот бы влипли вы в своих одеялах, если б не проснулись – завезли б вас! Из Грязей ваш поезд пойдёт на Поворино, но и в Поворино – разве только на продпункт, не отстаньте! – он довезёт вас ещё до Арчеды. В Арчеду-то и назначен ваш эшелон двести сорок пять четыреста тринадцать.

И Зотов вручил Тверитинову его догонный лист.

Пряча лист в карман гимнастёрки, всё тот же, на котором застёгивался клапан, Тверитинов спросил:

– Арчеда? Вот уж никогда не слышал. Где это?

– Это считайте уже под Сталинградом.

– Под Сталинградом, – кивнул Тверитинов. Но лоб его наморщился. Он сделал рассеянное усилие и переспросил: – Позвольте... Сталинград... А как он назывался раньше?

И – всё оборвалось и охолонуло в Зотове! Возможно ли? Советский человек – не знает Сталинграда? Да не может этого быть никак! Никак! Никак! Это не помещается в голове!

Однако он сумел себя сдержать. Подобрался. Поправил очки. Сказал почти спокойно:

– Раньше он назывался Царицын.

(Значит, не окруженец. Подослан! Агент! Наверно, белоэмигрант, потому и манеры такие).

– Ах, верно, верно, Царицын. Оборона Царицына.

(Да не офицер ли он переодетый? То-то карту спрашивал... И слитком уж переиграл с одежкой.)

Враждебное слово это – «офицер», давно исчезнувшее из русской речи, даже мысленно произнесенное, укололо Зотова, как штык.

(Ах, спростовал! Ах, спростовал! Так, спокойствие. Так, бдительность. Что теперь делать? Что теперь делать?)

Зотов нажал один долгий зуммер в полевом телефоне.

И держал трубку у уха, надеясь, что сейчас капитан снимет свою.

Но капитан не снимал.

– Василь Васильич, мне всё-таки совестно, что я вас обобрал на табак.

– Ничего. Пожалуйста, – отклонил Зотов. (Тюха-матюха! Раскис. Расстился перед врагом, не знал, чем угодить.)

– Но уж тогда разрешите – я ещё разик у вас надымлю. Или мне выйти?

(Выйти ему?! Прозрачно! Понял, что промах дал, теперь хочет смыться.)

– Нет-нет, курите здесь. Я люблю табачный дым.

(Что же придумать? Как это сделать?...)

Он нажал зуммер трижды. Трубку сняли:

– Караульное слушает.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

– Это Зотов говорит.

– Слушаю, товарищ лейтенант.

– Где там Гуськов?

– Он... вышел, товарищ лейтенант.

– Куда это – вышел? Что значит – вышел? Вот обеспечь, чтобы через пять минут он был на месте.

(К бабе пошёл, негодяй!)

– Есть обеспечить.

(Что же придумать?)

Зотов взял листок бумаги и, заслоня от Тверитинова, написал на нём крупно: «Валя! Войдите к нам и скажите, что 794-й опаздывает на час.»

Он сложил бумажку, подошёл к двери и отсюда сказал, протянув руку:

– Товарищ Подшебякина! Вот возьмите. Это насчёт того транспорта.

– Какого, Василь Василич?

– Тут номера написаны.

Подшебякина удивилась, встала, взяла бумажку. Зотов, не дожидаясь, вернулся. Тверитинов уже одевался.

– Мы поезда не пропустим? – доброжелательно улыбался он.

– Нет, нас предупредят.

Зотов прошёлся по комнате, не глядя на Тверитинова. Осадил сборки гимнастерки под ремнём на спину, пистолет перевел со спины на правый бок. Поправил на голове зелёную фуражку. Абсолютно нечего было делать и не о чем говорить.

А лгать Зотов – не умел.

Хоть бы говорил что-нибудь Тверитинов, но он молчал скромно.

За окном иногда журчала струйка из трубы, отметаемая и разбрасываемая ветром.

Лейтенант остановился около стола и, держась за угол его, смотрел на свои пальцы.

(Чтобы не дать заметить перемены, надо было смотреть по-прежнему на Тверитинова, но он не мог себя заставить.)

– Итак, через несколько дней – праздник! – сказал он. И насторожился.

(Ну, спроси, спроси: какой праздник? Тогда уж последнего сомнения не будет.)

Но гость отозвался:

– Да-а...

Лейтенант взбросил на него взгляд. Тот продолжительно кивал, куря.

– Интересно, будет парад на Красной площади?

(Какой уж там парад! Он и не думал об этом, а просто так, чтобы время занять.)

В дверь постучали.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru – Разрешите, Василий Васильевич? – Валя просунула голову. Тверитинов увидел её и потянулся за вещмешком. – Семьсот девяносто четвёртый задержали на перегоне. Придёт на час позже.

– Да-а-а! Вот какая досада. – (Его самого резала противная фальшь своего голоса). – Хорошо, товарищ Подшебякина.

Валя скрылась.

– За окном близко, на первом пути, послышалось сдержанное дыхание паровоза, замедляющийся к остановке стук состава; передалось подрагивание земли.

– Что же делать? – размышлял вслух Зотов. – Мне ведь надо идти на продпункт.

– Так я выйду, я – где угодно, пожалуйста, – охотливо сказал Тверитинов, улыбаясь и вставая уже с вещмешком в руках.

Зотов снял с гвоздя шинель.

– А зачем вам мёрзнуть где попало? В станционный залик не вступите, там на полу лежат сплошь. Вы не хотите пройти со мной на продпункт?...

Это звучало как-то неубедительно, и он добавил, чувствуя, что краснеет:

– Я... может быть, сумею вам... там... устроить что-нибудь поесть.

Если б ещё Тверитинов не обрадовался! Но он просиял:

– Это уж был бы с вашей стороны верх добросердечия. Я не смею вас просить.

Зотов отвернулся, осмотрел стол, тронул дверцу сейфа, потушил свет:

– Ну, пойдёмте.

Запирая дверь, сказал Вале:

– Если вызовут с телеграфа, я скоро вернусь.

Тверитинов выходил перед ним в своём дурацком чапане и расслабленных, сбивающихся обмотках.

Через холодный тёмный коридорчик с синей лампочкой они вышли на перрон.

В черноте ночи под неразличимым небом косо неслись влажные, тяжёлые, не белые вовсе хлопья дряпни – не дождя и не снега.

Прямо на первом пути стоял поезд. Он весь был чёрен, но немного чернее неба – и так угадывались его вагоны и крыши. Слева, куда протянулся паровоз, огнедышаще светился зольник, сыпалась жаркая светящаяся зола на полотно и относилась в сторону быстро. Ещё дальше и выше – ни на чём висел одинокий круглый зелёный огонь. Направо, к хвосту поезда, где-то вспрыскивали струйки огненных искр над вагонами. Туда, к этим искоркам жизни, но перрону торопились тёмные фигуры, больше бабы. Сливалось тяжёлое дыхание многих от чего-то невидимого навьюченного, громоздкого. Тянули за собой плачущих и молчаливых детей. Кто-то вдвоём, завышенные, оттолкнув Зотова, пронесли огромный сундук, что ли. Ещё кто-то за ними со скрежетом тянул волоком по перрону что-то ещё тяжелее. (Именно теперь, когда такая убойная стала езда, – теперь-то все и возили с собой младенцев, бабушек, таскали мешки невподым, корзины величиной с диваны и сундуки величиной с комоды.)

Если бы не зола под паровозом, не семафор, не искры теплушечных труб да не приглушенный огонёк фонаря, промелькнувший где-то на дальних путях, – поверить было бы нельзя, что многие эшелоны сбились тут и что это станция, а не дремучий лес, не тёмное чистое поле, в медлительных годовых переменах уже покорно готовое к зиме.

Но слышало ухо: лязганье сцепов, рожок стрелочника, пыхтение двух паровозов, топот и гомон взволнованных людей.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru

– Нам сюда! – позвал Зотов в проходик, в сторону от перрона, прочь от того поезда, который так хорошо мог увезти Тверитинова.

У него был фонарик с осинённым стёклышком, и он несколько раз посветил под ноги, чтоб и Тверитинов видел.

– Ох! Чуть кепку не сорвало! – пожаловался Тверитинов.

Лейтенант шёл молча.

– Снег не снег, за воротник лезет, – поддерживал тот разговор.

У него-то и воротника не было.

– Здесь будет грязно, – предупредил лейтенант. И они вступили в самую хлюпающую, чвакающую грязь, не разобрать было дороги посуше.

– Стой!! Кто идёт? – оглушающе крикнул часовой где-то близко.

Тверитинов сильно вздрогнул.

– Лейтенант Зотов.

Так напрямик, выше щиколотки в грязи и, где гуще, с усилием вытягивая ноги, они обошли флигель продпункта и с другой стороны взошли на крылечко. Постучали сильно ногами и с плеч сбили мокроту. Ещё посветив фонариком в сенях, лейтенант свёл Тверитинова в общее помещение с пустым столом и двумя лавками (бойцы продпункта обедали здесь и проходили занятия). Давно искали шнура провести сюда лампочку, но и по сегодня небеленая тесовая комната эта слабо и неровно освещена была фонарём, поставленным на стол. Углы скрадывались темнотой.

Открылась дверь дежурки. Освещённый сзади электричеством, а спереди тёмный, стал в двери боец.

– Где Гуськов? – строго спросил Зотов.

– Стой!! Кто идёт? – рявкнули снаружи. На крыльце затопали, вошёл Гуськов и бегавший за ним красноармеец.

– Явился, товарищ лейтенант. – Гуськов сделал только приблизительное движение, похожее на отдачу приветствия. На лице Гуськова, всегда немного нахальном, Зотов и в полусвете угадал сейчас недовольные подёргивания – из-за того, что отрывал его по пустякам лейтенант, которому он почти и не подчинялся.

Вдруг Зотов сердито закричал:

– Сержант Гуськов! Сколько постов положено в вашем карауле?!

Гуськов не испугался, но удивился (Зотов не кричал никогда). Тихо он ответил:

– Положено два, но вы знаете, что...

– Нич-чего не знаю! Как в караульном расписании стоит – так поставьте немедленно! Губа Гуськова опять дёрнулась:

– Красноармеец Бобнев! Возьмите оружие, станьте на пост.

Тот боец, что привёл Гуськова, обошёл начальство, тяжело стуча по полу, и ушёл в соседнее помещение.

– А вы, сержант, пойдёте со мной в комендатуру.

Уж и так Гуськов смекнул, что случилось что-то.

Красноармеец вернулся, неся винтовку с примкнутым штыком, прошагал мимо всех чётко и у двери в сени стал в позу часового.

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru (И вот когда овладела Зотовым робость! Не шли слова, какие сказать.)

– Вы... я... – сказал Зотов очень мягко, с трудом поднимая глаза на Тверитинова, – ... я пока по другому делу... – Он особенно явственно выговаривал сейчас "о". – А вы здесь присядьте, пожалуйста. Пока. Подождите.

Дико выглядела голова Тверитинова в широкой кепке вместе с тревожной тенью своей на стене и на потолке. Перехлестнувшийся шарф удавкой охватывал его шею.

– Вы меня здесь оставите? Но, Василь Васильич, я тут поезд пропущу! Уж разрешите, я пойду на перрон.

– Нет-нет... Вы останетесь здесь... – спешил к двери Зотов.

И Тверитинов понял:

– Вы – задерживаете меня?! – вскрикнул он. – Товарищ лейтенант, но за что?! Но дайте же мне догнать мой эшелон!

И тем же движением, каким он уже раз благодарил, он приложил к груди пять пальцев, развёрнутых веером. Он сделал два быстрых шага вслед лейтенанту, но сообразительный часовой выбросил винтовку штыком впереклон.

Зотову невольно пришлось оглянуться и ещё раз – последний раз в жизни – увидеть при тусклом фонаре это лицо, отчаянное лицо Лира в гробовом помещении.

– Что вы делаете! Что вы делаете! – кричал Тверитинов голосом гулким, как колокол. – Ведь этого неисправишь!!

Он взбросил руки, вылезавшие из рукавов, одну с вещмешком, распух до размеров своей крылатой тёмной тени, и потолок уже давил ему на голову.

– Не беспокойтесь, не беспокойтесь, – сильно окая, уговаривал Зотов, ногой нащупывая порог сеней. – Надо будет только выяснить один вопросик...

И ушёл.

И за ним Гуськов.

Проходя комнату военного диспетчера, лейтенант сказал:

– Этот состав задержите ещё.

В кабинете он сел за стол и писал:

"Оперативный пункт ТО НКВД.

Настоящим направляю вам задержанного, назвавшегося окруженцем Тверитиновым Игорем Дементьевичем, якобы отставшим в Скопине от эшелона 245413. В разговоре со мной..."

– Собирайся! – сказал он Гуськову. – Возьми бойца и отвезёшь его в Мичуринск.

Прошло несколько дней, миновали и праздники.

Но не уходил из памяти Зотова этот человек с такой удивительной улыбкой и карточкой дочери в полосатеньком платъице.

Всё сделано было, кажется, так, как надо.

Так, да не так...

Хотелось убедиться, что он-таки переодетый диверсант или уж освобождён давно. Зотов позвонил в Мичуринск, в оперативный пункт.

– А вот я посылаю вам первого ноября задержанного, Тверитинова, Вы не скажете –

Случай на станции Кочетовка. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru что с ним выяснилось?

– Разбираются! – твёрдо ответили в телефон. – А вы вот что, Зотов. В актах о грузах, сгоревших до восьмидесяти процентов, есть неясности. Это очень важное дело, на этом кто-то может руки нагреть.

И всю зиму служил Зотов на той же станции, тем же помощником коменданта. И не раз тянуло его ещё позвонить, справиться, но могло показаться подозрительным.

Однажды из узловой комендатуры приехал по делам следователь. Зотов спросил его как бы невзначай:

– А вы не помните такого Тверитинова? Я как-то осенью задержал его.

– А почему вы спрашиваете? – нахмурился следователь значительно.

– Да просто так... интересно... чем кончилось?

– Разберутся и с вашим Тверитиновым. У нас брака не бывает.

Но никогда потом во всю жизнь Зотов не мог забыть этого человека...
1962

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://solzhenitsynalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!